ЯНКА
КУПАЛА

ОТ СЕРДЦА

ГОСЛИТИЗДАТ
1941





ЯНКА КУПАЛА

Лауреат Сталинской премии

Янка Купала

ОТ СЕРДЦА

СТИХИ И ПОЭМЫ
(1933—1941)

ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО



ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941



Художник В. Ростовцев

ЯНКА КУПАЛА

Трудно назвать другого современного поэта, который столько значил бы для своего народа, как Янка Купала. Он является одним из создателей белорусского литературного языка и зачинателем белорусской литературы; имя его связано с возрождением национального самосознания широких трудящихся масс Белоруссии.

Сотни лет польские паны и царские чиновники старались искоренить всякое проявление национальной мысли миллионов обездоленных белорусских людей. С детства их приучали называть себя русскими, поляками, полещуками, а свой богатый и красивый белорусский язык — «мужицким» языком. И действительно, придя в панский фольварк или в город, белорусс-крестьянин убеждался, что помещики, купцы, чиновники, попы и ксендзы так не говорят.

Не случайно первый белорусский национальный поэт Ф. Богушевич (1840—1900) сборник своих стихов «Дудка белорусская» снабдил предисловием, в котором, обращаясь к белорусским крестьянам, старательно доказывал им, что они — белоруссы, а их язык — белорусский язык, а не «мужицкий», как сами они ошибочно думают и как стараются внушить им паны. Еще тридцать-сорок лет тому назад можно было встретить немало исконных белоруссов, которые жили до старости и не знали, что они белоруссы.

Янка Купала пришел в литературу как посланец трудового белорусского народа, как выразитель растущего в нем классового и национального самосознания. Начало его поэтической деятельности тесно связано с

могучим революционным подъемом 1905 года. В сборнике «Жалейка» (1908) Я. Купала с огромной силой выразил думы и чувства народа, впервые осознававшего свое высокое достоинство, свою силу и свое бессмертие.

В стихотворении Я. Купалы «А кто там идет...», о котором М. Горький писал в 1911 году, что оно «...может быть, на время станет народным гимном белоруссов», — запечатлен величественный образ вставшего от сна многомиллионного белорусского народа.

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такою толпой? —
Белоруссы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках? —
Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою? —
На свет божий.

А кто ж это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон? —
Нужда, горе.

А чего теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим? —
Людьми зваться.

Только подлинно народный поэт мог с такой предельной простотой и силой выразить глубокий смысл исторического сдвига, который произошел в жизни народа, «сердца мильонов подслушать удар».

Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) родился в 1882 году в фольварке Вязынка б. Вилейского уезда в семье мелкого арендатора из безземельных крестьян.

В поисках земли и работы отец поэта часто переезжал с места на место. Эти скитания по Белоруссии как нельзя лучше способствовали знакомству поэта с жизнью трудового белорусского народа. Многие годы Купала крестьянствовал на помещичьей земле в хозяйстве отца, а после его смерти три года работал чернорабочим на винокуренных заводах. О своих детских и юношеских годах Янка Купала писал:

«Отец мой некоторое время носился с мыслью приготовить меня в какую-нибудь среднюю школу, но это так и осталось несбыточной мечтой.

Нужда заставила взяться за другую науку, а именно — читать грустную книгу помещичьей пашни и писать печальную повесть своего горя сохой да косой!»

В мае 1905 года в минской газете «Северо-Западный край» было напечатано первое стихотворение Янки Купалы «Мужик». Это явилось началом литературной деятельности Я. Купалы. Три сборника его стихов: «Жалейка» (1908), «Гусляр» (1910) и «Шляхом жиццця» (1913), сразу завоевали ему славу первого белорусского поэта.

На долю Янки Купалы выпала высокая честь «с целым народом вести разговоры». И не только с народом, но и от имени народа. В душные годы царизма читал он в сердцах миллионов великую песню борьбы, которая звучала потом в его новых стихах:

Смерть тому, кто у голодных
Пищу отбирает,
Кто на наш народ свободный
Цепи надевает!
(«Расшумелся лес туманный...», 1906)

За годы советской власти могучий талант Я. Купалы достиг небывалого расцвета. Только за последние шесть-семь лет им написаны поэмы: «Над рекой Орес-

сой», «Город Борисов», «Тарасова доля»; стихи и песни — «Тебе, наш учитель», «О Сталине лучшая песня моя», «Сын приехал в гости», «Алеся», «Мальчик и летчик», «Сыновья», «Белоруссии орденоносной», «Сдается, вчера это было», «Песня трактористки», «Комсомолу» и многие другие. «Песняр Беларусі» — Янка Купала стал любимым поэтом миллионов советских людей.

В поэме «Над рекой Орессой» Янка Купала рассказывает о том, как в глухом уголке Полесья, там, где когда-то лишь нужда-недоля бродила по болотам и трясинам, теперь строится новая, светлая жизнь.

Все дальше уходит в прошлое то жестокое время, когда достоинство благородного и талантливого белорусского народа втаптывалось в грязь.

Белорусские пущи, поля и озера озарились радостным светом Сталинской Конституции. Белорусский народ занял почетное место в семье свободных советских народов.

Настало время новых песен. В стихотворении «Песни нужны нам» Янка Купала обращается к советским поэтам:

Песни нужны нам не те, что когда-то
Царское рабство веками нам пело —
В годы, когда по измученным хатам
Хлестко нагайка жандарма свистела.

Светлые песни, как солнце, как воля
Необозримой советской отчизны,
Песни такие, чтоб птицей над полем
Мчались, созвучные радостной жизни.

Чтобы запел их во весь юный голос,
Трактором правя, колхозник веселый,
С ними б колхозница грядки полола,
Пели б их наши колхозные села.

Армии нашей всемирная слава
Требует песен, любовью согретых,
Чтобы они с простотой величавой
Пели про верных бойцов за советы.

Особенно яркое выражение в творчестве Янки Купалы получила тема любви к Сталину — создателю белорусской государственности, отцу свободы и счастья советских народов. Стихами о Сталине открывается новая книга Янки Купалы «От сердца», изданная недавно в Минске на белорусском языке. От сердца, от большого горячего сердца идут слова поэта, посвященные тому, чье имя стало для нас священным.

Большое место в творчестве Купалы занимают стихи о героической Красной Армии. В простых, сердечных словах поэту удалось выразить глубокую народную любовь к славному стражу советских границ.

Воспевая солнечное сегодня своей родины, ее счастье и славу, Янка Купала и в новых своих стихах, чтобы еще сильнее подчеркнуть величие нашей эпохи, нередко вспоминает холод и мрак былого... Он вспоминает тяжелый путь, пройденный народом, путь суровой, вооруженной борьбы.

Радостно встретил Янка Купала весть об освобождении западных областей Белоруссии от панского ига. Сбылись горячие сокровенные мечты белорусского народа о воссоединении в счастливой свободной семье народов Советского Союза. Разве это не праздник для белорусского поэта, отдавшего народу все свои силы, весь свой талант? В цикле стихов «На западнобелорусские мотивы» Купала выразил чувства, вызванные в нем встречей со своими единокровными братьями. Словно мать, которая впервые обняла своих детей, вырвавшихся из цепей неволи, он бережно ощупывает раны на их теле, негодует и проклинает угнетателей. Вместе

с тем, сколько радости, нежности и любви в стихах этого цикла!

Янка Купала живо откликается на все важнейшие события в жизни народа. Его стихи могут служить для многих наших поэтов примером страстной, политически целеустремленной поэзии.

О чем бы ни писал Янка Купала: о героях-летчиках, о социалистическом строительстве, о колхозниках, о комсомольцах — его стихи всегда согреты глубоким волнующим чувством, живым, неугасимым огнем любви к своей родине и ненависти к ее врагам. Читатель всегда ощущает в них горение борца за благо народа. Купала никогда не остается равнодушен к тому, о чем пишет. Все, чем живет народ, близко и дорого ему.

Выходец из народных низов, Янка Купала сохранил и укрепил свою связь с взрастившим его народом. Его устами говорил и говорит белорусский народ. Сказанное относится не только к содержанию поэзии Купалы. Блестящий знаток народного белорусского языка и устной поэзии, Янка Купала многое почерпнул из глубоких и чистых криниц народного творчества. Он умело использует народные песенные образы, приемы и размеры. Его стих предельно прост, музыкален и вместе с тем точен и суров.

Новые стихи Янки Купалы свидетельствуют о его неиссякаемой песенной силе, являются ярким показателем расцвета белорусской литературы. Песенный дар Янки Купалы оценен по достоинству — ему присуждена Сталинская премия за сборник стихов «От сердца», опубликованный на белорусском языке в 1940 году.

В настоящий сборник вошли стихи и поэмы Янки Купалы, написанные им за последние восемь лет (1933—1941)

Евг. Мозольков



СТИХИ

О СТАЛИНЕ ЛУЧШАЯ ПЕСНЯ МОЯ



I

О Сталине лучшая песня моя.
Та песня звучит в миллионах сердец:
Поет ее в поле колхозном жнея,
Поет на лугу на зеленом косец.

Поля золотые
Как море шумят,
И люди в грядущее
Смело глядят.

О Сталине лучшая песня моя, —
Она над землей величаво встает.
Ту песню орлиная знает семья,
Ту песню кузнец за работой поет.

Орлами взлетают
Пилоты-бойцы.
И волю и долю
Нашли кузнецы.

О Сталине лучшая песня моя, —
Та песня от солнца, от ясной зари.
Ту песню поет вся родная земля,
Та песня спасибо вождю говорит.

Великим законом
Он мир озарил,
Он дружбу народов
Навек укрепил.

О Сталине лучшая песня моя, —
Та песня от сказок, от снов золотых,
Что сделались явью в советских краях,
Что стали делами в просторах родных.

Разбили мы цепи
Неволи былой,
И новое солнце
Горит над землей.

О Сталине лучшая песня моя, —
Та песня от счастья, от радостных дней,
Та песня на крыльях летит соловья
За межи-границы и будит людей.

И рухнут затворы
Проклятой тюрьмы,
Невольники выйдут
Под солнце из тьмы.

1937

II

Звонкой зимою, ликующим маем,
В позднюю ночь, спозаранку —
Песню всем сердцем о счастье слагаем:
О Сталине — песню-веснянку.

Песни-веснянки по вольным просторам
В час добрый летают на свете.
Вскормлен ты солнцем и ветром нагорным
Не только для нас — для столетий.

Дал ты народам и волю и счастье,
Чтоб снова их слава звенела, —
Сердце, великое сердце всечасно
Свершает великое дело.

Мудрые пишешь ты людям законы,
Что светят от края до края.
С теплой заботой растишь миллионы,
Под солнцем им путь пролагая.

В сердце храня твое славное имя,
О подвигах хлопчик мечтает,
Девочка-крошка руками своими
Венок тебе яркий сплетает.

С именем этим герои Хасана
Врагов озверелых громили,
С ним — пронеслись за моря-океаны
Советов орлиные крылья.

В думах и песнях поет тебе славу
Народ белорусский свободный
За возрожденную нашу державу
Под знаменем власти народной.

Звонкой зимою, ликующим маем,
В позднюю ночь, спозаранку —
Песню всем сердцем о счастье слагаем:
О Сталине — песню-веснянку.

1939

III

О Сталине мудром я песню слагаю,
А песня — от сердца, а песня такая,
Что всюду летит и звенит не смолкая,
И нету конца ей, и нету ей края...
О Сталине мудром я песню слагаю.

Со Сталиным вольно живется на свете:
Как ясное солнце, он греет и светит,
Пути пролагает к великой победе,
Чтоб радостней было и взрослым, и детям...
Со Сталиным вольно живется на свете.

Как песня, живет его имя в народе, —
В просторах полей и на каждом заводе;
В колхозные хаты он гостем приходит,
Он с нами повсюду — в живом хороводе...
Как песня, живет его имя в народе.

Всё видят его соколиные очи,
И в ясные дни, и в ненастные ночи.
Он вытер нам слезы, он счастье упрочил,
Он новую долю бездольным пророчит...
Всё видят его соколиные очи...

Он силу дает нам, выводит нас в люди,
Свободные, дышим мы полною грудью
И кланяться пану вовеки не будем,
И сердце свое никогда не остудим...
Он силу дает нам, выводит нас в люди.

Он пишет законы векам и народам,
Чтоб мир осветился великим восходом,
Чтоб встала над всею землею свобода,
Как солнце под ясным встает небосводом...
Он пишет законы векам и народам.

Живи и красуйся, любимый, вовеки,
Как вечно живут полноводные реки!
С тобой — наша сила в могучем разбеге
Ломает преграды, сметает помехи...
Живи и красуйся, любимый, вовеки!

О Сталине мудром я песню слагаю,
А песня — от сердца, а песня такая,
Что всюду летит и звенит не смолкая,
И нету конца ей, и нету ей края...
О Сталине мудром я песню слагаю.

1939

IV

СЛАВЛЮ Я ПАРТИЮ ЛЕНИНА—СТАЛИНА

Партии нашей спасибо сердечное!
Слава великому, мудрому Сталину! —
Снявшим с народа ярмо вековечное,
Счастье создавшим на мрачных развалинах!

Кто Белоруссию темную, бедную
Вызволил, сделал страной равноправною,
Кто ее вывел дорогой победною
Об руку с солнцем на поприще славное!

Солнце взошло над равнинами грустными,
В жизнь воплотилась мечта человечества;
Вольные люди, как пчелы — безустали,
Множат и силу и славу отечества!

Жизнь наша бьет животворной криницею,
Песни напевами льются веселыми,
Вольная воля летает орлицею,
Радость сдружилась с цветущими селами.

Счастье страны, что трудами мы создали,
Кажется людям волшебною сказкою,
Жить хорошо под Кремлевскими звездами,
Сталин нас греет заботой и лаской.



Славлю я партию Ленина — Сталина!..
Сгинуло прошлое, с мраком и с бедами.
К солнцу идем мы по светлым прогалинам,
Мир удивляя своими победами.

Горд я врученным мне орденом Ленина,
Званьем высоким поэта народного,
Счастлив я тем, что высоко оценена
Сталинской премией песня свободная!

1941

V

СПАСИБО НАРОДУ

О жизни, о горе народа,
О том, что народ мой воскреснет,
Придавленный тяжкой невзгодой, —
Слагал я правдивые песни.

Над нашим простором угрюмым
Невесело солнце светило.
Лишь в сказках народных и думах
Я черпал и бодрость и силу.

И песня моя подружилась
С народом, что был обездолен;
Стонала над полем, кружилась,
Рожденная в тяжкой неволе.

Жестокая кривда терзала,
Губила мне жизнь молодую...
Но время другое настало
И смело все дальше иду я.

И все повернулось иначе, —
И песни, и думы иные.
Душа не томится, не плачет,
Как плакала в годы былые.

Приветливо шепчутся сосны,
Березы шумят у дороги.
И мы на земле плодоносной
Живем без нужды и тревоги.

Привольны колхозные нивы,
Просторны колхозные хаты,
И вместе с народом счастливым
Я праздную праздник богатый.

И песни, расправивши крылья,
Летят, словно птицы, на воле.
Пусть предки заснули в могиле,
Потомки нашли свою долю.

За песни, что силу мне дали,
Спасибо народу родному.
Я пел их когда-то в печали,
Теперь же пою по-иному.

Спасибо народу вовеки
За каждое слово поэта,
Спасибо тому человеку,
Чьим пламенем сердце согрето.

1941

СЕРДЦЕ СТРЕМИТСЯ ВСЕ ВЫШЕ...

Сердце стремится все выше, —
Шепчут мне вешние всходы:
Тот мою песню услышал,
Кто осчастливил народы.

Радость всю кровь взбунтовала,
Каждый пусть видит и знает, —
Словно цветок небывалый,
Орден мне грудь украшает.

Солнцу ли в очи я гляну,
Звездам ли вечно свободным, —
Будет он мне талисманом,
Будет лучом путеводным.

Ленина орден на сердце,
Ленина — в сердце заветы,
Думы, как символ бессмертья,
В песне витают по свету.

Песнями славлю своими
Счастье страны молодое.
Сталина близкое имя
Всюду, всечасно со мною.

Час мой придет — и под камень
Лягу в могиле я тесной,
Людям оставив на память
Орден с заветною песней.

1939

ДЕНЬ ДОБРЫЙ, МОСКВА!

День добрый, Москва, как весна молодая!
День добрый, родная столица!
Мы песню, Москва, о тебе запеваем,
И в песне о нас говорится;

И в песне поется, как в давние годы
Мы шли по дороге унылой;
И, нищих, баюкала нас непогода,
И темень глаза нам слепила.

День добрый, Москва, — наша сила и слава!
С тобою нам радостно всюду.
Как лучшую песню страны величавой,
Народы тебя не забудут.

Привет тебе шлют и леса, и криницы,
Колхозные нивы и хаты.
По воле твоей, молодая столица,
Мы счастьем и хлебом богаты.

День добрый, Москва! Ты весь мир
освещаешь,
Шагая вперед непреклонно,
И к новому счастью пути открываешь
И пишешь о счастье законы.

Ты солнцем владеешь, столица родная,
И солнце твое нерушимо.
День добрый, Москва, как весна молодая,
День добрый, наш Сталин любимый!

1939

БЕЛОРУССИИ ОРДЕНОНОСНОЙ

К годовщине освобождения от белополяков
и ко дню награждения орденом Ленина

I

Чем ты была, Беларусь подневольная, —
Разве же наши глаза не видали?
Вечно голодная, вечно бездольная,
Счастье и радость встречала едва ли...

Люди, в нужде да в потемках взращенные,
С нищенской торбою шли до могилы.
По небу тучи клубилися черные,
Ветры над полем стонали уныло.

Няньчил нагайкой нас царь с царенятами,
Пан и подпанки пасли батогами.
Гнали нас в петли и в тюрьмы нас прятали,
Клали под розги и богом пугали.

Царь, генералы и панство вельможное
В пышных палатах справляли банкеты...
Сёла тоскливая дума тревожила,
Люди ходили разуты, раздеты.

Годы прошли... Мы гордимся победами.
Но пред глазами проклятые были...
Сколько тут горького горя изведано,
Сколько тут песен тоскливых сложили!

Пушки завыли. И кровью солдатскою,
Кровью густой оросились просторы —
Топи Мазурские, горы Карпатские,
Края родного долины и горы.

Смерть и смятенье. И беженцы... беженцы...
Возле дороги — кресты да могилы...
Эх, поскорее бы саблею врезаться
В царское горло и в панские жилы!

Так погибали здесь люди бесправные,
Так пировали незваные гости.
Ветры справляли поминки бесславные,
Ворон клевал незарытые кости.

Только лишь эта война прекратилася, —
Польские паны пришли из Варшавы.
И появилися панские милости:
Петли, расстрелы, погромы, пожары.

Снова потоками слезы горючие, —
Нету пощады ни взрослым, ни детям...
Слышите, шляхтичи! Мы вам при случае
Местью великой и страшной ответим!

II

И сегодня помнит каждое селенье,
Помнят белоруссы о судьбе жестокой, —
Как они страдали, ждали избавленья,
Как освобожденье им пришло с Востока.

Долго не забудет Беларусь родная
О годах неволи, о судьбе несчастной,

И о том, как доля кончилася злая,
Как легко нам стало под звездою красной.

Люди вышли в поле вольною дружиной
И зерном отборным землю засевают;
Пустыри вспахали, завели машины,
И сады повсюду густо рацветают.

Буйно зеленеют жито и пшеница,
Как еще ни разу здесь не зеленели.
Ой, как будут люди нынче веселиться,
Урожай снимая дружною артелью!

Не боятся наши вольные загоны
Панско-генеральской своры недобитой;
Армией великой, Армией Червонной
Пану, генералу все пути закрыты!

А придет он, — встретим смело, без тревоги,
Двинемся в сраженье мощными рядами.
И раскроем тюрьмы, и сметем остроги,
Где томятся братья долгими годами.

III

Как на грядах мак червонный,
Стяг за стягом вьется,
И шумит, поет столица,
Жарко сердце бьется.

Бьется сердце, вопрошая:
Дескать, в чем причина?
— Избавленья от поляков
Нынче годовщина!

Словно чудо, словно диво,
Из развалин встала
Минск-столица, гордость наша,
Всей краины слава.

Где дымились пепелища —
След набегов черных,
Там взметнулись к небу зданья
Гордо, непокорно.

Где кровавый бал справляла
Банда интервентов,
Ходят с песнею победной
Тысячи студентов.

Где пустырь лежал веками,
Грустный, как могила,
Встали фабрики, заводы —
Республики сила.

Там работает ударно
Наш народ рабочий.
Руки мощные, стальные,
Орлиные очи.

Беларусь моя! Давно ли
Ты прогнала катов?
Но за этот срок короткий
Как же расцвела ты!

Не сочтешь твоих достатков,
Сколько б ни стараться.
Человек твой нынче начал
Человеком зваться.

Колосись же, разливайся
Ты червонным цветом —
Равноправная со всеми
Ты в Стране Советов!

Нынче день твоей награды,
День счастливой доли.
Празднуй весело повсюду —
У станков и в поле!

Поутру водой студеной
Чисто умывайся,
Убери себя цветами,
В солнце одевайся.

Знай, за все твои старанья,
Беларусь родная,
На груди твоей сегодня
Орден засверкает.

Знай, что все твои победы,
Радости, печали —
Каждодневно, постоянно
Разделяет Сталин!

1935

ДУМАЛ Я: СОЛНЦЕ УЖ К НАМ НЕ ЗАГЛЯНЕТ!..

Думал я: солнце уж к нам не заглянет!..
Горе ходило от хаты до хаты.
Пела жалейка беду на кургане,
Слепнули очи в неволе проклятой.

Град вымолачивал редкие зерна,
Слезы повсюду да горе лихое!
Бедность по селам бродила покорно,
Густо чахотка цвела под стрехою.

Время ужасное! Горе и слезы!
Помню его я, и помнят народы.
Деды, отцы его помнят в колхозах,
Деды, отцы на советских заводах.

Но я ошибся. Бесстрашным не страшны
Трон златоверхий, сатрапов молитвы, —
Резвые кони заржали на пашне,
Смелая гвардия бросилась в битвы.

Долго сражались. Со славою пали
Тысячи, может, а может, и боле.
Вражьи отряды с позором бежали,
Залили кровью зеленое поле.

Выгнав врагов, мы свободу добыли.
В грязь затоптали короны и троны.
Весело трубы в Кремле затрубили, —
Флаг над страною поднялся червонный.

Город счастливый! Счастливые села!
Прелесть и свежесть весенних проталин!
С доброй улыбкой, с улыбкой веселой
Дал нам свободу и счастье наш Сталин.

1938

СДАЕТСЯ, ВЧЕРА ЭТО БЫЛО

Сдается, вчера это было:
Как нынче, шумели березы,
Но горькое горе бродило,
Роняя горючие слезы.

О тягостной доле напевы
Неслись по полям и дорогам.
Бесплодные были посевы,
И голод стоял у порога.

Сдается, вчера было это:
Как нынче, шумел бор высокий,
Но только не знал ты рассвета,
Что завтра сверкнет на Востоке.

Стоял ты пред будущим свечкой,
Что гаснет, бесследно сгорая.
От деда ко внукам, как речка,
Плыла слепота вековая.

Вчера это было, сдается:
Как нынче, шумел бор зеленый,
За место под солнцем бороться
Шагали впотьмах миллионы.

Шагали решительно, смело
Искать избавленья, как чуда.
Недоля, неволя гудела
Тревожным своим перегудом.

Забурлило сине море
От ветров.
Вышли реки и ручьи
Из берегов.

Разбудило море спящих:
Эй, вставай!
Свой возьми у лиходеев
Каравай.

По земле живой криницей,
Кровь, теки!
Чтобы жили наши дети
По-людски.

Нам с Востока веет ветер,
Мчится вдаль.
Вековечное проклятье
Бить не жаль.

И разбили неустанною
Борьбой,
И сегодня вспоминаем
Жаркий бой.

Полыхают наши зори
В высоте.
Нету песен о недоле,
О кнуте.

Зашумели над рекою
Тростники,
Распустился лес зеленый
У реки.

Сон растаял непробудный, —
Путь светлей.
Мы идем победно к солнцу
Новых дней.

1935

МЫ ЖИЗНЬ СВОЮ УЛЫБКОЮ ВСТРЕЧАЕМ

Мы жизнь свою улыбкою встречаем,
Свободно дышим, радостно поем.
Счастливая звезда сверкает нам ночами,
А днем — мы с солнцем под руку идем.

Широкие и торные дороги —
Куда ни глянь — ковром для нас легли.
Лучи зари нам стелются под ноги
Во всех краях родной моей земли.

Для нас сады весною зацветают,
И нашим нивам не видать конца.
И шумным говором наш слух ласкают
Кудрявые зеленые леса.

В криницах наших, речках и озерах
Прозрачна и живительна вода.
По сочным травам в луговых просторах
Пасутся наши тучные стада.

Горды мы долею своей богатой,
Горды мы славой родины своей.
Вперед мы смотрим, словно соколята,
Под ясною зарею наших дней.

На пустырях, где долгими веками
Одно зверье бродило иногда, —
Воздвигнутые нашими руками,
Стоят и светят миру города.

Мы море с морем навсегда сдружили,
Соединили русла древних рек
И кораблям дорогу проложили
Туда, где не были они вовек.

Мы покорили дали и высоты,
На дальний север принесли весну.
Как пчелы медом наполняют соты,
Так мы добром наполнили страну.

Высокие бетонные плотины
Мы возвели могучею рукой.
И загудели мощные турбины,
И яркий свет разлился над землей.

Разбужена земля и подземелье,
Над всей природою мы взяли власть.
И всходы на песках зазеленели,
И медь из гор ручьями полилась.

И жирной нефти бурные фонтаны
Из недр земли взлетают в облака.
В глубоком подземелье неустанно
Дробит пласты шахтерская рука.

И шум работ повсюду нарастает,
По всей стране плывет из края в край,
Кукушка годы светлые считает,
И птичьи песни будоражат гай.

Мы каждый день улыбкою встречаем,
Нам каждый день дары несет земля,
И ярче солнца путь нам освещает
Наш друг и вождь из Красного Кремля.

1939

ТО НЕ РЫЦАРИ С КНЯЗЕМ...

То не рыцари с князем
Шли на бой колонной, —
Это шли отряды
Армии Червонной.

Пролетала слава
Ураганом в поле,
Как они народу
Добывали волю.

* * *

Не невольников толпы
Собирались средь ночи, —
То вставал трудиться
Вольный люд рабочий.

Сквозь разруху, голод
Он прошел со славой,
Сокрушив злодеев,
Выстроил державу.

* * *

То не викингов струги
Режут бурные воды, —

То плывут красавцы
Наши теплоходы.

Лебединой стаей
Блещут на просторе —
В теплом океане
И в студеном море.

* * *

То не соколы-птицы
Уносились в дали, —
Это самолеты
Наши вылетали.

Поднимались к звездам
Лётом небывалым,
Где и мысль людская
Прежде не летала.

* * *

То не зорька в небе,
Не лучи восхода, —
Это Сталин сеет
Счастье для народа.

Сеет он рукою
Доброю, прилежной;
Только слышны песни
Радости безбрежной.

1938

ВПЕРЕД — НЕИЗМЕННО!

Ты слушай-послушай,
Товарищ и брат:
Вперед — неизменно!
Ни разу — назад!

Гляди — разрастаясь,
Летит напролом
Чрез поле, сквозь чащу
Сплошной бурелом.

Как вихри, машины
Несутся вдали;
По синему морю
Плывут корабли.

В моря и озера,
Смывая всю грязь,
Речонки и реки
Текут, торопясь.

Летят самолеты
Уверенней птиц,
Не зная в полете
Ни меж, ни границ

Вперед — неизменно!
Ни разу — назад!
. . . .
Вот так, не иначе,
Товарищ и брат!

1933

КРАЙ РОДНОЙ

Край родной — в небывалом
Расцвете.
Солнце ясное в небе —
Свидетель.

Мы не знаем теперь
Лихолетий.
Полны хлебом амбары
И клети.

Старики веселятся
И дети,
Что увидели счастье
На свете;

Что порвали батрачества
Сети,
Что не видно помещичьей
Плети.

Край родной — в небывалом
Расцвете.
Солнце ясное в небе —
Свидетель.

1934

ВОЛНУЕТСЯ СИНЕЕ МОРЕ

Волнуется синее море,
И ветер прохладою дышит,
А мы уплываем все дальше,
А мы улетаем все выше.

Вперед мы идем непреклонно,
Как солнце идет небосводом.
Мы строим мартены и домны,
Возводим гиганты-заводы.

Мы строим, и сеем, и пашем
На радость и внукам, и дедам,
И празднуем праздники наши,
Зовущие к новым победам.

Пусть лютая ненависть бродит, —
Мы сможем ответить на вызов —
Оттуда ль, где солнце восходит,
Оттуда ль, где падает книзу.

Повсюду — от края до края —
Плывет большевистская песня.
Плывет наша песня большая —
Грядущих боев буревестник.

1934

ДОРОГИ

От стен Кремля Москвы червонной
Легли-прошли дороги счастья.
По ним проходят миллионы
Людей страны освобожденной,
Людей, не знающих напасти.

А по краям — заводы, села,
Сады в цветенье плодоносном.
Поют леса, холмы и долы,
И день раскинулся веселый,
И день шумит о вечных веснах.

Сверкают реки и озера,
Суда высокие качая.
И море Белое в просторы
Прошло через леса и горы,
Впервые Балтику встречая.

Обнявшись, как сестра с сестрою,
Москва-река и Волга льются,
И животворною водою
И говорливою волною
О берега крутые бьются.

Навеки с Волгой многоводной
И Днепр, и Терек подружился.
В стране могучей и свободной
Звездой кремлевской путеводной
Их путь широкий озарился.

Пути, пути страны родимой! —
Сама из сердца песня льется.
Прошли-ушли глухие зимы,
И наша радость нерушима,
И наше сердце счастьем бьется.

Шумят знамена боевые.
Раскрыт пред нами мир широкий.
И никакие псы цепные,
И никакие бури злые
Нас не собьют с прямой дороги.

Ее торил товарищ Ленин,
Ее мостил товарищ Сталин,
Чтобы великое стремленье
Через людские поколенья
Прошли в сверкающие дали.

И из Кремля дорогой ясной,
Всемирным шляхом человечьим
Идет Коммуны день прекрасный,
Чтоб нашу радость, наше счастье
На всей земле увековечить.

1939

НАША МОЛОДЕЖЬ

Ты, молодежь, каждый угол прославишь
Нашего вольного края!
Сердцем горячим льдины расплавишь,
Горы, моря покоряя.

Помнишь ты схватки с бандами белых,
Грозные помнишь походы,
Смерти в глаза ты смело глядела,
Хищник тревожил твой отдых.

С честью ты вышла из испытаний,
Сил накопила ты много,
Перед тобою — в звездном сиянье
Стелется к солнцу дорога.

Вёсны мелькают годы за годом, —
Крепнут ряды молодежи —
С воспламенившим дух твой народом
Родины славу ты множишь.

С неба, как лента пестрого шелка,
Радуга светит сквозь тучи...
«Я — комсомолец! Я — комсомолка!» —
Слов и не выдумать лучше!

1938

КОМСОМОЛУ

Наша юность, наша смена,
Наше племя комсомолье,
Ты сверкаешь неизменно,
Словно радуга над полем.

Звонкой славой молодою —
И зимой, и теплым летом —
Словно солнце золотое,
Ты горишь над целым светом.

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

Кто бесстрашно с красным стягом,
На котором имя — Сталин,
Покорил своей отвагой
Неразгаданные дали?

Кто все лучшие порывы,
Чтобы мир построить новый,
Отдает советским нивам,
На борьбу всегда готовый?

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-сверныгоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

То ль на суше, то ль на море,
То ль за тучей в поднебесье —
Всюду, бурям непокорен,
Комсомолец с бодрой песней.

Пусть шумит и стонет ветер,
Гром заводит перепалку, —
Побеждает все на свете
Сила, ловкость и закалка.

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

Чья кирка, что всех острее,
Рубит уголь в подземелье?
Трактор чей — других быстрее
В нашем поле глыбы стелет?

Чьи звенят поутру косы
На зеленом на загоне?
Первым кто идет в прокосах
Так, что ветер не догонит?

Глубже, дальше, на просторы,
Где наш сев растет богато,

Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

Глянь, корабль идет послушно,
Дым клубится пароходный:
Комсомольцы смело, дружно
Путь прокладывают водный.

Не страшны им вихри, штормы,
Скалы, рифы и туманы, —
С молодым плывут задором
Чрез моря и океаны.

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

Глянь на небо: в стратосфере,
В позаоблачных высотах,
Комсомолец небо мерит,
Тучи режет самолетом.

Он мелькает днем и ночью,
Рассекая гордо воздух.
Днем смеется солнцу в очи
И считает ночью звезды.

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

Охраняя наши земли,
На форпостах, у границы,
Комсомолец не задремлет
И врага не побоится.

Комсомолец смел и зорок
И винтовкою владеет.
Шутки плохи! — вспыхнет порох,
В порошок сотрет злодея!

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

* * *

Счастлив я, что с комсомолом
Вместе песнь моя несется,
Что напев ее веселый
Громким эхом раздается.

Буйно родит наше поле,
И сады, и огороды.
И шумят, гудят в раздолье
Наши фабрики, заводы.

Дальше, выше, на просторы,
Где наш сев растет богато,
Комсомольцы-свернигоры,
Воли сталинской орлята!

1935

СЫНОВЬЯ

Сыновей отец скликает,
Всех зовет их в хату.
Шесть их было: молча в хату
Брат идет за братом.

Он расспрашивает важно,
Каждого особо:
Кем он в жизни быть желает,
Есть недаром чтобы.

— Потому что, — говорит он, —
Вы в краю живете,
Где труды не пропадают,
Где бойцы в почете.

Сыновья ответ свой держат,
Говорят достойно:
— Разреши поочередно
Отвечать спокойно.

Первый: — Батя, быть хочу я
Бравым трактористом, —
Землю мне пахать охота
На просторе чистом.

Чтобы пред людьми за морем
Было чем гордиться,
Подыму в рост человека
Жито и пшеницу.

Говорит второй: — К заводу
Подходил давно я, —
Мне подстать ковать железо,
Гнать металл рекою.

Там у домны, у мартена
Встану я на вахте,
Медь и уголь мне ребята
Подадут из шахты.

— Плавать я хочу по морю, —
Отвечает третий, —
Где «Челюскин» гордый плавал,
Где пурга да ветер.

От морей холодных к теплым
Рейс лежать мой будет,
Пароход пойдет, качаясь,
Резать волны грудью.

Сын четвертый: — Мне взлететь бы
Пташкою крылатой,
Мерить небо самолетом
Над твоею хатой.

Мне орел недаром снится,
Сердцу нет покоя...
Быть хочу я, батя родный,
Летчиком-героем.

— Буду я красноармейцем, —
Отвечает пятый, —
Я хочу стеречь границу
От врагов проклятых.

Если сунутся поближе,
Здесь им гроб-могила.
Руку мне пожмет за храбрость
Славный Ворошилов.

Сын шестой: — Сложу я песнь
И спою неплохо
Про великий бой, последний,
Сталинской эпохи;

Кем мы были, кем мы стали
При советской власти,
Как взносили выше солнца
Человечье счастье.

Так ответ они держали,
Сыновья родные,
И отцу понятны были
Их слова простые.

Был отец их коммунистом,
Пролетарий родом,
И на старый мир недаром
Он пошел походом.

1935

СНАРЯЖАЛА МАТКА СЫНА

Снаряжала матка сына
Из колхозной хаты —
Не в неволю на чужбину,
Не девчонку сватать.

Снарядила да сказала:
— Мой сыночек милый,
Нажил ты себе немало
Разума и силы.

Ты выходишь в свет да в люди
Походкою ладной,
Пред тобою стлаться будет
Край наш неоглядный.

Скатертью твой путь ложится;
Сытый да одетый,
Будешь сторожить границы —
Границы Советов.

Будешь жить, сынок, в почете,
Горюшка не зная:
О тебе страна в заботе,
Словно мать родная.

Не в солдатах быть под гнетом
Да под палкой царской, —
Ты идешь служить оплотом
Власти пролетарской!..

Матка сына снаряжала
В путь широкий, ясный,
Чтобы твердо штык держал он
В армии да в Красной!

1934

СЫН ПРИЕХАЛ В ГОСТИ

В гости к матери приехал
Издалека, невредимый,
Старости ее утеха,
Счастье жизни — сын родимый.

Провела его в светелку,
За дубовый стол сажала...
Слезы капали без толку:
Очень уж сынок удалый!

Угощала белоснежным
Творогом и хлебом ситным.
— Ешь, сынок! — твердила нежно,
Медом потчевала сытным.

И тревогою ведома,
Заглянула сыну в очи:
— Там живут не так, как дома?
Трудно там служить, сыночек?

... А под окнами девицы
Про него заводят речи:
— Вот так парень яснолицый,
Стройный и широкоплечий!

— Хорошо мне дома, мама! —
Сын промолвил деликатно, —
Но могу ответить прямо:
Лучше в армии, понятно!

Ведь служу я — это важно —
В Красной Армии, в Червонной,
В кавалерии отважной,
Где начальник — сам Буденный.

Дружен я с манежем, тиром...
Посмотри, нашивки — это
Стал уже я командиром,
Хоть служу всего два лета.

Не знаком боец со скукой,
Час за часом быстро мчится.
Подружились мы с наукой,
Так приятно мне учиться!

А уж кони наши, кони!
При любой плохой погоде
Их и ветер не догонит,
Буря путь не загородит.

И бойцы у нас — герои,
Не найдешь таких ты армий...
Как в седле боец наш строен!
Что за выдержка в казарме!

...А под окнами девицы
Завели про гостя речи:
— Вот красавец ясколицый,
Молодой, широкоплечий...

— Был парад у нас недавно.
Вот бы, мама, ты взглянула!
Это праздник вышел славный —
Сколько блеска, сколько гула.

Первой двигалась пехота,
Дальше конница и танки,
На автомобилях роты,
Следом быстрые тачанки.

За тачанками, блистая,
Шли ряды орудий разных.
А вверху — за стаей стая
Самолетов наших красных!

Голова аж кругом ходит
В этом грохоте и гаме...
Пусть же кто-нибудь нашкодит, —
Мы расправимся с врагами!

И оркестр грохочет — строен,
Моего веселья ради:
Я ведь тоже красный воин,
Я ведь тоже на параде!

...А под окнами девицы
Завели про гостя речи:
— Вот так парень яснолицый,
Стройный и широкоплечий...

— Счастье мне наворожило, —
Ты, родная, будешь рада:
Сам товарищ Ворошилов
Принимал войска парада.

Не весьма большого роста,
Но нельзя сказать, что низкий,
Смотрит весело и просто,
Хоть далек, а очень близкий!

Если взглянет, улыбнется:
Будто вспыхнула зарница,
Сердце радостно забьется,
Кровь быстрее заструится.

Будто брат родимый... Словом,
Мне теперь мечта знакома:
Жизнь отдать в бою суровом
За любимого наркома.

У коня — огонь во взоре,
Конь хозяина достойный!
Видит будущие зори,
Чует будущие войны.

Он гарцует, бровь не хмуря...
Блеск подков в горячем свете...
С ездоком таким, как буря,
Он любой обгонит ветер.

А за ним, к победе мчащим,
Командир за командиром
Через реки, через чащи
Полетят огромным миром!

Хорошо с ним в годы мира,
Будет с ним легко в походе...
Вот каков наш Ворошилов!
Вот каков наш полководец!

...Так вот к матери приехал
Издалека, невредимый,
Старости ее утеха,
Счастье жизни — сын родимый.

Нет, не зря, ведя в светелку,
За дубовый стол сажала,
Слезы капали без толку, —
Очень уж сынок удалый!

А под окнами девицы —
Нет, не зря! — заводят речи:
— Экий парень ясналицый,
Стройный и широкоплечий.

1935

МАЛЬЧИК И ЛЕТЧИК

Возьми меня, летчик отважный,
В полет по Советской стране:
Я смелый, и мне не однажды
Летать приходилось во сне.

И осенью — мама сказала —
Мне восемь исполнится лет.
По-твоему, может, и мало,
Но только, по-моему, нет.

Мне дома теперь не сидится.
Что дома? — ходи да играй...
А я бы пустился, как птица,
В далекий неведомый край.

Возьми ж меня, летчик! Хочу я
На людях побыть, поглядеть,
Как по небу месяц кочует,
Как по лесу бродит медведь;

Как звезды горят на просторе
И нету их днем почему,
Как реки в далекое море
Текут по пути своему.

А море! Хоть раз поглядеть бы,
Увидеть бы путь корабля!
И дальше и дальше лететь бы
И так долететь до Кремля.

И громко, из солнечной дали,
Сказать, чтобы слышал весь свет:
— День добрый, товарищ наш Сталин!
Прими с самолета привет!

Вот так над Советской страною
Лететь бы вперед и вперед...
Возьми ж меня, летчик! Со мною
Не будет забот и хлопот.

1935

ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ

Я Марусю люблю всех сильнее,
А Марыся еще мне роднее.
А по правде, они наравне
Одинаково дороги мне.

О судьбе их я складывал песни
Еще раньше грозы нашей вешней,
И теперь наяву и во сне
Они обе со мною, при мне.

Чуть дымок я увижу фабричный,
Чуть я колос увижу пшеничный, —
Мчатся думы, шумят об одном:
Все о тех, кто мне дорог давно.

Я песок золотой им под ножки
Рассыпал бы на каждой дорожке, —
Подстилал бы им солнце в пути,
Чтоб им легче до счастья дойти.

Навсегда свое сердце я отдал
Черноглазой Марусе с завода.
Я бы сплел ей из лилий венок,
Я б одел ее в бархат и шелк!

Навсегда в моем сердце заноза —
Синеглазка Марыся с колхоза.
    Я бы сплел ей из лилий венок,
    Я б одел ее в бархат и шелк!

1934

ТРИ ОРЛИЦЫ

Летчицам самолета «Родина»

Ой, далеко залетели
Гордые орлицы!
Долетели, наземь сели
У морской границы.

Три орлицы-чаровницы,
Одержав победу,
Словно с праздника, в столицу
С громкой славой едут.

А ведь был их путь опасен,
Буря зверем выла,
Все страшнее с каждым часом
Гибель им грозила.

Там — под ними — дебри, пущи,
Топь болот и кручи,
А вокруг — что дальше, гуще —
Облака да тучи.

Только, как ни гнули смелых
Буря, тьма, усталость, —
Тройка всё вперед летела,
Лишь повыше малость.

В гуле грома, в грозном шквале
Был полет не страшен:
Путь тот звезды освещали
Им с кремлевских башен.

Хорошо летать, орлицы,
Стёжками такими,
Где с тобою в сердце мчится
Сталинское имя!

1938

ДВЕ ДЕВИЦЫ

Меж горами, по долинам,
По путям лесистым, длинным
Мчится быстрая машина,
А в машине две девицы:
Юны и румянолицы.

Берегись, противник! Едет —
Мчит сквозь дни — авто к победе.

Первая — шофер бывалый.
Не страшны ей рвы и скалы,
Свой авто на перевалы,
Через горы, над рекою
Смелою ведет рукою.

Берегись, противник! Едет —
Мчит сквозь дни — авто к победе.

Тайны все мотора зная,
Рядом с ней сидит вторая —
Инженер, известность края.
Молода — куда ж моложе! —
Но творить машины может.

Берегись, противник! Едет —
Мчит сквозь дни — авто к победе.

По разбуженным просторам
Две девицы за мотором
Едут полем, едут бором...
Перед ними — суша, море,
А над ними — солнце, зори.

Берегись, противник! Едет —
Мчит сквозь дни — авто к победе.

1935

ТО НЕ ШУМ БОРОВОЙ...

То не шум боровой —
По горам, по склонам,
То не клич боевой
Армии Червонной, —
Это говор людей
О делах великих,
Прогремевших везде
От полюсов диких.

То не шум боровой
Грозно спорит с тучей,
То не гром над землей
Грянул в полдень жгучий, —
Это славит весь свет
Славой легендарной
Наших летчиков цвет,
Героев полярных.

То не шум боровой
Зашумел в раздолье,
Не напев вековой
О великой воле, —
Это едут сюда
Смелые, бесстрашные

Победители льда,
Летчики отважные.

То не шум боровой,
Тишину сметая,
Прошумел над страной
От края до края, —
Это мчится экспресс
Челюскинской славы.
Люди, солнце и лес
Кричат ему «браво».

То не шум боровой
Ходит по просторам,
То не клич боевой
Закликает к зорям, —
Это время поет
О житье счастливом,
Это радость встает
По родимым нивам.

1934

АЛЕСЯ

На заре куковала
Кукушка в Полесье.
Мать ласкала, качала
Дочурку Алесю.

Тьма ложилась ночная,
Сосны глухо шумели.
Напевала родная
У родной колыбели:

— Спи, засни, мой цветочек, —
Пташки все позаснули.
Спи, веселый звоночек, —
Люли, люленьки, люли.

Спи, расти без тревоги,
Спи, накапливай силы.
На свои встанешь ноги,
Будешь девкой красивой.

Будешь зимней порою
Прясть, наматывать нитки,

Будешь теплой весною
Счастья ждать у калитки.

* * *

На заре куковала
Кукушка в Полесье.
Только мать не узнала,
Что станет с Алесей.

Это быль или небыль? —
Дочка силы набралась,
Прямо в синее небо
Полетела, помчалась.

Понеслась на машине,
Пронеслась на крылатой,
По счастливой краине,
Над родимою хатой.

Миновала дубравы
И речные затоны,
Опустилась на травы
С парашютом зеленым.

И опять над полями
Поднимается выше,
И стальными крылами
Тучи в небе колышет.

Что ни день — в поднебесье
Смотрит мать из оконца:
Не видать ли Алеси
Возле ясного солнца?

* * *

На заре куковала
Кукушка над нивой.
Мать не зря тосковала
О доле счастливой.

1935

ЛЕН

Только ринулся в поля
Ранний звон, весенний звон,
Раным-рано вышла я
Золотистый сеять лен.

Небо веяло теплом,
Дождик моросил в тиши.
Шла я, пела над зерном,
Песни пелись от души.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как расцвел он, как подрос,
Счастьем душу озарив,
Я полола с ранних рос
До вечерней до зари.

Сердце ныло, — отчего б?
Не своя была я вся.
Встретила тогда его,
Бригадира Михася.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как отцвел и вдруг смелей
Приподнял головку он.
Поглядела у людей —
Мой не хуже, лучше лен.

За снопами снились сны,
Пелись песни о весне.
Бригадир мой у копны
Улыбался часто мне.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как пошла я лен сбирать,
Под ногой скрипел песок.
Бригадир мой обогнать
Захотел меня — не мог.

А валек мой — лясь да лясь,
Словно дятел — так да так.
Подошел ко мне Михась,
Подмигнул забавно так...

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

А как стлала я ленок
На зеленом на лугу,
Попадался Михасек, —
Целовала на бегу.

Все от сердца отлегло,
Белый свет — веселый рай,
Хоть и осень, а светло,
Радость льется через край.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Мяла мялкою я лен,
Вдоль трепалом шла по нем.
Засветился, словно сон,
Лен шелковым волокном.

Луч весенний пробежал
От забора по стене...
Хату новую кончал
Бригадир веселый мне.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

1935

ПЕСНЯ ТРАКТОРИСТКИ

Трактор, ты, мой трактор,
«Сталинец» мой славный!
Схоронили горе
Мы с тобой недавно.

Схоронили горе,
Горе да недолю,
Как пошли с тобою
Мы гулять по полю.

Нам смеется солнце,
Ласково сияет,
Месяц, будто сторож,
Поле охраняет.

И резвится ветер,
Обивая росы,
Косы расплетая,
Мои русы косы.

* * *

Трактор, ты, мой трактор,
«Сталинец» мой славный!

Схоронили горе
Мы с тобой недавно.

Радостные песни
Мы с тобою сложим,
Для родного края
Счастье приумножим.

Все пути-дороги
Мы объедем летом,
Нас повсюду встретят
С лаской и приветом.

Угостят нас медом
Возле каждой хаты.
Будут нас цветами
Осыпать девчата.

* * *

Трактор, ты, мой трактор,
«Сталинец» мой славный!
Схоронили горе
Мы с тобой недавно.

А теперь простимся
На широком поле:
К солнышку подняться
Кличет меня доля.

Полечу туда я,
Мой товарищ славный,
Где в просторном небе
Тучи ходят плавно.

Поднимусь я выше,
Друг ты мой хороший,
И звезду большую
Для тебя я сброшу.

И привет оттуда
Солнечный пошлю я,
И скажу, что помню,
Что тебя люблю я.

* * *

Трактор, ты, мой трактор,
«Сталинец» мой славный!
Схоронили горе
Мы с тобой недавно.

На тебе поедет
Стахановец новый —
Молодой, веселый,
Стройный, светлобровый.

В поле клад богатый
Он с тобой добудет
И своей удаче
Радоваться будет.

Обо мне он вспомнит,
Вспомнит, как бывало
Я с тобою вместе
Думала, мечтала.

* * *

Трактор, ты, мой трактор,
«Сталинец» мой славный!

Схоронили горе
Мы с тобой недавно.

А теперь простимся
На широком поле:
В небо, к звездам, к солнцу
Кличет меня доля.

1936

ВЕЧЕРИНКА

Летний вечер солнце гасит,
Вечеринку собирает.
Тут и Петьки, тут и Васи,
Тут и Зоси, тут и Стаси,
И гармонь во-всю играет.

Все пришли с работы жаркой,
Заполняя клуб до края, —
Бригадиры и доярки,
Бригадирши и свинарки,
И гармонь во-всю играет.

То ль старуха, то ль девчина, —
Всех веселье разбирает.
Зина шепчется с Мальвиной,
А Мальвина с Катериной,
А гармонь во-всю играет.

Захватив для первой пары
Янка — Маньку, Юрка — Раю,
С дробью, с громом, с пылом, с жаром
Сербиянку, польку шпарят,
А гармонь во-всю играет.

За столом идет беседа
О житье, об урожае;
Потчует сосед соседа, —
Коль не ел, так здесь обедай...
　　А гармонь во-всю играет.

Зорька утренняя встала,
И давно домой пора им.
Но танцорам — мало, мало —
Ну еще разок, пожалуй!..
　　И гармонь во-всю играет.

Вот ночлежники с ночного
Прилетели шумной стаей.
В клуб ворвались и — готово! —
И начался танец новый,
　　И гармонь во-всю играет.

Веселись же, поднимайся,
Мой колхоз, нужды не зная!
Много хлеба есть в запасе,
И в шелка одеты Каси,
　　И гармонь во-всю играет.

1935

КАК Я МОЛОДА БЫЛА...

Как я молода была,
Бедовала много...
От села и до села —
Горе да тревога.

Тесным клином в те года
Свет сошелся белый:
Нет ни сала никогда,
Ни одежды целой.

В поле к пану гонит мать,
А отец — в ночное...
Не пришлось мне испытать
Счастья и покоя.

А теперь не так живут
Сыновья и внуки:
Вдоволь все едят и пьют
И не знают муки.

Каждый стал у нас — поверь —
Знатным да богатым.
Всем шелка́ давай теперь,
Ситец — уж куда там?!

Патефоны тут и там,
Радио играет.
Не давали раньше нам
Этакого рая.

Как была я молода,
Много бедовала.
Кроме тяжкого труда,
Ничего не знала.

1935

В НАШЕМ ПОЛЕ

В поле колхозном,
В поле раздольном
Дни пролетают
Весело, вольно.

Дружно работаем
Все мы совместно.
Горькое горе
Нам неизвестно.

Мы позабыли
Злую тревогу.
Вышли машины
Нам на подмогу.

Сохи погибли, —
Мы не горюем:
Трактором пашем
И боронуем.

Всходит-заходит
Солнце привычно.
Сев и прополка
Все на «отлично».

Осень приходит —
Мы с урожаем.
Счастье людское
Мы умножаем.

1934

Я — КОЛХОЗНИЦА

Я колхозница
Молодая,
Живу весело,
Бед не зная.

Рано ль, поздно ли,
Мои дети
И накормлены
И одеты.

Утром Настеньку
Приласкаю,
В ясли Настеньку
Отпускаю.

И Данилочка
Мой в порядке,
Игры водит он
На площадке.

А как выйду я,
Их мамаша,
На колхозное
Поле наше, —

Так и стелются
Вслед снопочки,
Песни слышатся ,
Аж до ночки.

Не тревожусь, нет,
Я за деток,
Дорогих моих
Малолеток.

Я колхозница
Молодая,
Живу весело,
Бед не зная.

1934

ГОСТИ

Ко мне пожаловал колхоз всем миром,
Приветной песней взволновав мой слух.
Сам старшина[1] пришел и бригадиры,
Наставница, доярки и пастух.

С подарками пришли родные гости,
Хозяева воспрянувшей земли.
Пирог пшеничный, мед, цветы, льна горсти
Они к столу с собою принесли.

Мы сели не спеша, друг другу рады,
За стол, где был пирог, и лен, и мед...
За хатой соловей завел рулады,
Гудел над хатой гулкий самолет.

Не видывал такой я чести сроду,
С тех пор как на земле моей живу,
Чтоб хлебом-солью трудовым народом
Почтен был не во сне, а наяву.

Мы разговор неспешно начинали,
И было нам о чем поговорить:
О том, как солнцем нынче светят дали,
О том, как трудно прежде было жить.

---

[1] Председатель.

Про наши говорили зимы, весны,
Про добрый урожай и трудодни...
За окнами шумели славно сосны,
И пастухи в ночном зажгли огни.

— Сдаем положенное государству,
Дороги исправляем, лес везем.
Живем зажиточно в своем мы царстве,
Как прежде, не трясемся под тряпьем.

Решали: запрудить нам нужно речку,
Чтоб было озеро, чтоб мельница была,
Чтобы в хлева́ к коровам и овечкам
Вода сама с низин наверх текла.

— Училище у нас — четырехлетка.
Десятилетка нужно чтоб была!
Чтоб нашим умным и счастливым деткам
К учебе вдаль дорожка пролегла.

О многом мы еще поговорили,
А больше все о жизни молодой...
Петух спросонья где-то вздыбил крылья,
На небо вышел месяц золотой.

Взыграла музыка, и все девчата
С ребятами плясали во всю прыть.
Дрожали стены новой звонкой хаты,
Нам было весело — уж что и говорить!

И гости вышли. Тишина настала.
И вдруг так ясно я уразумел:
Моим гостям отваги недостало
Просить, чтоб о колхозе я пропел.

1935

НАШЕМУ ПРАЗДНИКУ

Распахни широко двери,
    Милая сторонка,
Свой Октябрь победный встретить
    Выйди с песней звонкой.

Хоть и осенью приходит
    Праздник наш веселый,
Он весною вечной светит
    Городам и селам.

Гей, вы, парни, гей, девчата,
    Комсомол счастливый,
Счастьем, радостью, цветами
    Осыпайте нивы.

Перед нами — в ясном солнце —
    Будущее наше;
Что ни день — живем мы лучше,
    Веселей и краше.

Не напрасно мы старались
    В поле, на заводе, —
Про победы боевые
    Всюду слава ходит.

Не в мечтах, не в сновиденьях,
А на самом деле
Наши птицы-самолеты
В облаках запели.

Мы вошли в земные недра,
В темные глубины,
Мы богатство добываем
Для родной краины.

Рождены мы, чтобы сеять
Правду, радость, счастье.
Чтобы белый свет избавить
От лихой напасти.

Наши думы, наши песни
Светят на просторах,
Наших дней не затуманит
Вражеская свора.

Мы идем под солнцем к солнцу
Молодым походом...
Слава родине великой
И ее народам!

Слава соколу, который
Выше всех летает,
Слава Сталину, что солнцем
Путь наш озаряет.

1936

НЕ ПРО СТАРОЕ, КАНДАЛЬНОЕ...

I

Не про старое, кандальное
Эту песню голос поднял,
А про радость беспечальную,
Что явилась нам сегодня;

Не про тюрьмы, пытки царские,
Муки адские народов,
А про волю пролетарскую,
Золотые наши годы;

Не про темень беспросветную,
Что слепила людям очи,
А про зорьку огнецветную —
Победительницу ночи;

Не про бедность безотрадную,
Про удел с сумою знаться,
А про наше неоглядное,
Необъятное богатство;

Не про злобу про звериную,
Что давила тяжким грузом,
А про дружбу про единую
Сыновей всего Союза;

Не про сны, в былом ужасные,
И безвыходные беды,
А про сталинское, ясное,
Знамя славы и победы;

Не про старое, кандальное
Эту песню голос поднял,
А про радость беспечальную,
Что явилась нам сегодня!

II

Шум идет из хаты в хату
По земле свободной,
Идет с песнею крылатой
Праздник всенародный.

Мы всегда его встречаем
Радостно и смело,
И посильно величаем
Большевистским делом.

И проходит невозбранно
Шум по всей округе —
В ледяные океаны
И к садам на юге.

В дружном братстве торжествуя,
Голосом мильонов
Славим Книгу Золотую
Сталинских законов.

Шум идет зеленым бором,
Лугом, над рекою.

Мы навек простились с горем,
С неволей былою.

Шум идет селом, дубравой,
Идет, не смолкает,
И на праздник нашей славы
Народы скликает.

Так для нас сбылись до слова
Ленина заветы.
С новым счастьем, с долей новой,
Родина Советов!

1937

МАЙ

К нам снова в гости Май приходит,
Приносит счастье каждый год.
Заводят песни в хороводе,
И вторит песням тем народ.

Мысль о былом, что не забудем,
Нам сердце обовьет порой, —
Но Май вдруг хлынет гулом-гудом
Зеленый, синий, золотой!..

Гармонь играет, бубен бьет...
Гей! грянем песнь в кругу друзей
Про боевых годов поход,
Про весны наших славных дней.

* * *

К нам снова в гости Май приходит
(Таким он не бывал в веках),
Поет о зорях, о свободе
В полях, на море, в рудниках.

Поет, склонясь над колыбелью;
Цветы всем рощам раздает;
Колхозы солнечной свирелью
В просторы радости зовет...

Ключам — журчать, лесам — шуметь,
Гнать колос — зеленям полей...
Ну, как не жить, ну, как не петь
Нам в сказках-былях наших дней?!

* * *

К нам в гости Май приходит снова, —
Он смотрит, как растет страна,
Красива ли земли обнова,
И поднята ли целина.

Все по-хозяйски проверяя,
Наказы он дает стране.
О нашем буйном урожае
Не грезил прадед и во сне.

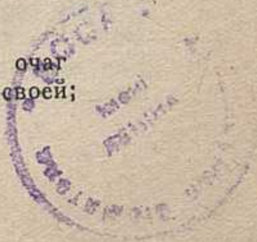
Автомобили, трактора,
Комбайны, танки — разве сон?
И лес, и шахта, и гора
Добро нам шлют со всех сторон.

* * *

К нам снова в гости Май приходит,
Оглядывает рубежи,
Где пограничник глаз не сводит
С соседней вражеской межи.

Май знает все в просторах наших:
Спокойно близ границ живем,
Спокойно сеем, косим, пашем
И ключевую воду пьем.

Страну, детей, родной очаг
Мы грудью отстоим своей;



Не опоганит лютый враг
Веселых, вольных наших дней!

* * *

К нам снова Май приходит в гости, —
Он видит танки и штыки,
Скалой стоим на аванпосте,
Заставы, как гранит, крепки.

Хранит недремлющая стража
Покой и мир моей земли.
И в поднебесье враг не страшен, —
На крыльях — в небе — патрули.

Пусть лапу лишь протянет гад
К сердцам, станкам, хлебам полей,
Живым он не уйдет назад, —
Свободных не сковать людей!

* * *

К нам снова Май приходит в гости...
Он вспомнил, замедляя шаг,
Героев, что сложили кости
За власть советскую в боях.

Над ними тополь поднял руки,
Знамена шелестят огнем,
И дед рассказывает внуку
О тех, что спят могильным сном.

Беседы серебрится нить, —
Внучонка учит старый дед,
Как надо родину хранить,
Беречь плоды ее побед.

* * *

Двадцатый Май приходит в гости,
Дары весенние несет.
Он сыплет радость щедрой горстью
По берегам певучих вод.

Он Конституцию приносит —
Бессмертный Сталинский закон —
Для нас, для всех, кто сеет, косит,
Для всех народов и племен.

Колосья ржи, листы дубов
Родной наш украшают герб;
Поверх пяти материков —
И молот и зубчатый серп.

* * *

К нам снова Май приходит в гости, —
Он видит танки и штыки,
Скалой стоим на аванпосте,
Заставы, как гранит, крепки.

Беситесь, гады! Не страшны нам
Зараза ваша и разбой.
Мы вместе с Маем соловьиным
Смеемся в полдень голубой.

Гармонь играет, бубен бьет...
Гей! грянем песнь в кругу друзей
Про боевых годов поход,
Про весны наших славных дней!

1937

День Конституции, 4, 3/8; 1937 г.

ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ

(5 декабря)

День Конституции сегодня, —
Великий день, счастливый день!
Народ, что жил в цепях, голодный,
Века блуждал во тьме, как тень, —
Хозяин вольный он сегодня.

Ликуют вместе с солнцем люди,
А солнце — гость всегдашний их.
Что было — никогда не будет:
Ни тяжких снов, ни бед лихих...
До неба счастливы вы, люди!

По всей земле несется слава,
Шумит разбуженный простор,
И над Советскою Державой
Все ярче блеск червонных зорь.
Расти же, крепни, наша слава!

Вся жизнь вокруг, как в дивной сказке,
Полна чудес, цветенья, чар.
Всем вдоволь и тепла и ласки,
Пируют с солнцем мал и стар.
Да, явью, правдой стала сказка.

Играйте ж все оркестры звонко,
Девчина, песню запевай!
Расстался с нищенской котомкой
Навеки наш родимый край.
Играйте, пойте громко, звонко!

То мудрый Ленин, мудрый Сталин
Добыли волю для людей,
Открыли солнечные дали —
Работай, знай, твори смелей,
Как учит Ленин, учит Сталин.

День Конституции сегодня, —
Великий день, счастливый день!
Народ, что жил в цепях, голодный,
Века блуждал во тьме, как тень, —
Хозяин вольный он сегодня.

1937

ПЕСНИ НУЖНЫ НАМ

Песни нужны нам не те, что когда-то
Царское рабство веками нам пело —
В годы, когда по измученным хатам
Хлестко нагайка жандарма свистела.

Светлые песни, как солнце, как воля
Необозримой советской отчизны,
Песни такие, чтоб птицей над полем
Мчались, созвучные радостной жизни.

Чтобы запел их во весь юный голос,
Трактором правя, колхозник веселый,
С ними б колхозница грядки полола,
Пели б их наши колхозные села.

Армии нашей всемирная слава
Требует песен, любовью согретых,
Чтобы они с простотой величавой
Пели про верных бойцов за советы.

Песни нужны нам свои, а не вражьи,
Что наши думы с дороги сбивали,
Песни такие, чтоб бились отважно
Против остатков неволи бывалой.

Песен ждем—громче, чем грохот громовый,
Паводков вешних бурней и чудесней,
Что, ледяные срывая оковы,
Мчатся победно. Такой ждем мы песни!

Песен таких, чтоб везде в мире старом
Эхом они разливались безбрежным
И загорались восстаний пожаром
Средь наших братьев, рабов зарубежных.

Песня такая нужна, чтоб летала,
Как стратостаты летят к стратосфере,
Дерзко в отваге своей небывалой
Путь межпланетный желая измерить.

Гимнов о людях пустыни полярной,
Гимнов неслыханных ждем с нетерпеньем:
Подвиг ведь там совершен легендарный,
Так что весь свет задрожал в изумленьи.

Искренних песен хотим мы и смелых,
Чтобы в них кровь трепетала живая,
Чтобы в них правда о днях наших пела,
Славу прошедших веков затмевая.

Песни нужны нам, чтоб сердце и думы
Магнитогорским величьем пылали,
Нежились под днепрогэсовским шумом,
В дали неслись Беломорским каналом.

Чтобы их ритм отражал в звуках гибких
Нашей эпохи подъемы и кручи,
Ритм боевой, что дают без ошибки
Партия наша и Сталин могучий.

1934

НА ТЕМУ КРИТИКИ И САМОКРИТИКИ

Мы нынче в критике серьезны
И самокритику мы чтим.
Подходим мы с отвагой грозной,
Но не к себе, а лишь к другим.

Пылинку видим у соседа —
Их у него ведь не одна! —
А вот в своем глазу разведать
Не можем даже и бревна.

Без лишних тонкостей, улыбок
У конкурента мы подряд
Так много выищем ошибок,
Что в горло нож вонзить он рад.

Случается, что мы и сами
Себя бичуем иногда,
Но больше блещем похвалами,
Других же хлещем мы всегда.

Для них Парнас недосягаем!
Чуть тронь — загиб или уклон!
Как смачно тех мы подпекаем,
Кто нашей милости лишен!

Вот я — поэт! Я — литератор!
Чудесно мастерство мое!
А он ведь только агитатор,
Он стенгазетчик — вот и все!

В нас много старреньких заскоков,
Не отучились мы от них!
И часто судим однобоко
И о себе и о других.

* * *

А критики? Все смотрят мимо,
Не видя выше сапога.
Вчера хвалил, как подхалим, он,
Сегодня — смотришь — обругал.

Не огляделся, влез в трясину —
Дешевый развалился мост.
Глядит, мычит, ломает спину,
Налево, вправо крутит хвост.

Глядит. И что же? Ум за разум
Зашел — напишет невпопад.
Не разберет и трезвый сразу,
А сам доволен он и рад.

О критик, грызопер мой бедный!
Его, читатель, пожалей!
Вместить не может в лоб свой медный
Ни принципов он, ни идей!

Как баба над кутьей, гадает.
Над кем? Над чем? Поди, узнай!
Кого куда — он сам не знает —
Загнать — в болото или в рай.

* * *

Ведь мы вожди, мы инженеры
Сложнейших человечьих душ.
Какой же мерим души мерой?
И почему в писаньях глушь?

Посмотришь — вон бредет фигура.
Черняв он или белобрыс, —
Пойми, какая в нем натура!
В снах о почете он закис!

Ничем не славен он в народе,
Не дал стране он ничего,
И только кур на огороде
Пугает важный вид его.

* * *

Мы инженеры... Что ж не можем
Своих мы перестроить душ?
Где вгоним гвоздь, где клин подложим,
А музыка играй нам туш!

Играй мне славу! Я ведь имя!
Пишу я в области любой!
А ты подумал ли, как примет
Твои труды хозяин твой?

Хозяин тот, что сеет зерна,
Что косит, жнет, дает нам хлеб,
Что варит сталь в могучих горнах,
Что расковал тюремный склеп!

О показные вы поэты,
Прозаики и гусляры!

Вас позовет народ к ответу!
Жбан носит воду до поры.

Земли и неба ты властитель,
Умей лишь от души писать!
Какого ж чорта вы хотите,
Чего же вам еще искать?

Не спят дороги, жизнь не дремлет,
Шумит над речкой осокорь.
Поет нам солнце, — кто мы, где мы? —
Блестит, весь в звездах, кругозор.

Идут великих дней потоки,
А мы ни с места — тишь и глушь! —
Мы инженеры недр глубоких
Сложнейших человечьих душ!

Идут по свету гулы-шумы,
И те, кто сон прогнать могли,
Идут, слагая песни-думы,
Красу и радость всей земли.

Земля под нашим небом новым
Поет про вешний свой расцвет,
Жизнь нам из шелка ткет основу
Счастливой доли и побед.

1937

ПРИВЕТ ВАМ, ВОЛЬНЫЕ ПОЭТЫ!

Привет вам, вольные поэты,
Встречает сердце вас мое!
Пусть ваши песни-первоцветы
Земля советская поет!

Мы видим солнечные страны,
Вокруг себя, в самих себе,
Где правда взорвала туманы,
Вздымая каждого к борьбе.

* * *

Привет вам, вольные поэты!
Прошли гнетущие года,
Из темноты мы вышли к свету,
Оковы сбросив навсегда.

Никто нам песен не испортит,
Не остановит их напор,
Ни вой измены полумертвый,
Ни угнетателей топор.

* * *

Привет вам, вольные поэты,
Расцвета нашего певцы!

Привет со всех концов планеты
Вам, новых душ людских творцы!

Для нас открыты все дороги
В сиянье небывалых дней.
Сердца в нас бьются без тревоги
И за работой и во сне.

* * *

Привет вам, вольные поэты!
Пусть время радостно бежит.
Нам под счастливым небом этим
Легко так петь, творить и жить.

У нас хозяйство мудрый Сталин
Ведет на диво всем векам,
И люди плакать перестали,
И нищеты ушла тоска.

* * *

Привет вам, вольные поэты —
Народов братских дружный хор!
Пускай сверкает огнецветом
Любимой родины простор!

Взыграет горн: «На изготовку!» —
Лишь дым дороги запушит,
Мы перья сменим на винтовку
И на штыки — карандаши!

* * *

Привет вам, вольные поэты!
Встречает вас и мал и стар.

Отдайте ленинским заветам
Могучих песен ваших дар!

Весенней радостью рассвета
Пусть ваши песни задрожат!
Привет вам, вольные поэты
На белорусских рубежах!

1936

ЯКУБУ КОЛАСУ

Живи и в радости и в счастьи,
Пусть ярко дни твои несутся,
Пусть никакие, брат, напасти
Тебя не тронут, не коснутся.

Иди за ясным солнцем следом
От песни к песне колосистой,
Пусть знают все, что мы к победам
Идем дорогой золотистой.

А были дни, когда мы жили
В невзгодах, в подневольи тяжком,
И беды родину томили
Под гнетом панским и под царским.

Над Неманом, нуждой зажатый,
В курной избе запел ты смело
В часы реакции проклятой,
Под скрежет виселиц, расстрелов.

Ты песню пел тоски, печали
О родине и о народе,
И вольный ветер в наши дали
Их разносил по непогоде.

Ты помнишь, помнишь, Колас милый,
Как раз пришел к тебе я в гости
В те дни, когда росли могилы,
В часы бессильной мести, злости?

Вкруг княжий бор в печали смутной
Шумел, как наша песнь в то время,
Пугали звери поминутно,
И на душе лежало бремя.

Вкруг княжий бор шумел, а Неман
К тебе дорогу мне означил.
Блестели звезды в небе немо,
И стон над Неманом маячил.

Теперь пешком мы не шагаем,
А на машине в гости едем,
И княжий бор нас не пугает,
И не страшны его медведи.

И верю, времени немного
Пройдет, как по своей охоте
С тобой небесною дорогой
Мы полетим на самолете.

Над Неманом мы даль охватим,
Над бором, от князей свободным,
Посмотрим, кто живет в той хате,
Где, брат, ты жизнью жил невзгодной.

Оттуда полетим на Вильно —
Хлеб-соль делили там мы где-то! —
И все осмотрит взор умильный,
Что создала нам власть советов.

Живи и в радости и в счастьи,
Пусть ярко дни твои несутся,
Пусть никакие, брат, напасти
Тебя не тронут, не коснутся.

Ведет нас партия к просторам,
Чудесный путь до звезд означив,
Народ не знает больше горя,
Народ раскованный не плачет.

Гудками фабрики, заводы
Гудят, и труд везде грохочет,
И завоеванной свободы
Не даст в обиду люд рабочий.

Колхозник — а мужик недавно —
Походкой выступает гордой,
Он землю пестует исправно,
И в Сталина он верит твердо.

Так пой же, Колас, год за годом,
Чтоб песни, как волна, взлетали,
Показывая всем народам,
Как строит жизнь нам мудрый Сталин.

1936

8*

ЛЕТИ, МОЯ ПЕСНЯ!

Джамбулу Джабаеву

Джамбулу я песню сегодня пою,
В лад с сердцем настроил я думу свою.
Лети, моя песня, лети — улетай,
Соседу-акыну привет передай!

Джамбул свою песню пускает в полет,
О Сталине песню — в мильонный народ.
И песня его совершает свой круг
С востока на запад, на север, на юг.

Джамбул, сизокрылый столетний орел,
Ты жизни кипящей источник нашел!
Ни бури, ни грозы сломить не могли
Певца лучезарной советской земли.

Джамбул, песнетворец, казахский акын,
Народа казахского солнечный сын,
Пой песни, казахских степей соловей,
Чарующих звуков и дум чародей!

Джамбул, ты советской эпохи баян!
Когда твою песню нам шлет Казахстан,
Несется она по советской земле
И отклик находит в любимом Кремле.

Джамбул, наш баян, хоть годами ты стар,
Но в сердце и в песне твоей юный жар.
На сталинских крыльях летит песня в свет,
А солнце само пролагает ей след.

Джамбул, ты баян, ты счастливый акын
Сегодняшних сталинских дивных былин!
Чрез горы и долы, поля и леса
Несутся к нам песен твоих голоса.

Джамбул, наш баян, ты могучий свой сказ
О дружбе народов слагал нам не раз.
Казах, белорусс поют песни одни,
Единой отчизны орлята-сыны.

Джамбулова песня светла, как ручей,
Для песни Джамбуловой нет рубежей,
Как нет рубежей в поднебесьи орлу,
Летящему смело сквозь бурю и мглу.

Джамбул, посети Белорусский наш край!
К нам в гости, Джамбул, хоть на час прилетай!
Приветствует шум тебя сосен, берез,
Веснянки-цветы — бриллиантами рос.

Джамбулу я песню сегодня пою,
В лад с сердцем настроил я думу свою,
Лети, моя песня, лети — улетай,
Соседу-акыну привет передай!

1938

ПАМЯТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Очей твоих ясных заря-заряница,
Как прежде светилась, так будет светиться,
Так будет светиться над миром она
Для всех поколений, во все времена.

Сиять по окраинам будет по темным
Народам и людям, еще угнетенным,
Чтоб с верного следа не сбиться в пути,
Чтоб знать, как за счастьем, за волей итти.

Ясны твои мысли, как небо, как воды,
Как первые в поле весенние всходы.
За смелый их взлет, за орлиный размах —
Народ сбережет их в сердцах и в умах.

Твой голос сердечный и милый, как струны
У лиры певучей, спокойный, разумный.
Я слушал тот голос — и сердцем я рос,
Недавно нам слышать его довелось.

Людей на широкие звал он дороги,
Достойные сталинской славной эпохи, —
И взором открытым на солнце глядеть,
И слово творить, чтоб звенело, как медь.

Меня ты тогда еще встретил, мой сокол,
Когда темнота разливалась широко,
И горе стонало, и стыли сердца,
И ночи, казалось, не будет конца.

Но взглядом орлиным меня ты заметил,
Когда, как затерянный, жил я на свете,
И песню мою, услыхав, похвалил, —
О, как же тогда я обрадован был!

Сквозь чащи, болота рвалась эта песня
С ограбленных, сирых просторов Полесья,
Слова мои были: «А кто там идет...»
Я пел про родной белорусский народ.

Сегодня иначе — ни стона, ни плача.
Страна моя стала моложе, богаче,
И песнями полон раскованный край,
И в осень глухую и в солнечный май.

Народ Белоруссии, сбросив оковы,
Друзей не забудет в судьбе своей новой
И, светлую жизнь озирая вокруг,
Тебя вспоминает, учитель и друг.

1938

НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА КИРОВА

Зачем?.. О нет... Совсем недавно было это...
Как соберу смятенных мыслей рой?..
Недавно так рисунок был в газетах,
Стоит он в памяти у всех живых живой...

Плывут по Беломорскому каналу,
Где лес шумит... Где сосны вкруг озер...
Плывут товарищ Киров и товарищ Сталин, —
Путь славный наш в веках провидит зоркий
взор.

А нынче... Нынче что? От зорьки и до зорьки
В тоске колышется страны моей простор;
Прощальной музыки торжественный и горький
Доходит отзвук до Кавказских гор.

Не стало Кирова... Нежданно смерть скосила...
Погиб герой от вражеской руки...
Товарищ! Шапку снять пред свежею могилой!
Почтить большевика идут большевики!

Играй же, музыка, печаль и гнев утроя,
Пусть слышит и дрожит от звуков тех весь свет!
Осыпьте, девушки, цветами гроб героя,
И песню в честь его сложи, певец-поэт.

За смерть отплата — смерть. Раздавлен будет
нами
Весь подколодный мир его убийц-гадюк.
Подымем выше мы побед великих знамя,
То, что он выронил из онемевших рук!

1934

УКРАИНА

Украина! Край мой милый,
Солнцем облюбован.
Но каким ты был унылым,
Как ты весь был скован!
Над тобой глумились вдоволь
Гетманы, царицы.
И паны твоею кровью
Всласть могли упиться.
В мировой войне ты билась
И терпела горе.
Кровь сынов твоих струилась,
Словно Днепр твой в море.

Украина, край цветущий,
Выращенный солнцем!
Прекратил Октябрь могучий
Горемычный сон твой.
Но злодеи тучей хмурой
Вновь к тебе приникли:
Скоропадские, Петлюры,
Махно и Деникин.
Запылала степь пожаром,
Вновь напало горе.
Кровь текла дорогой старой,
Словно Днепр твой в море.

Украина, цвет и сила!
Распрощайся с прошлым!
Всех врагов ты раздавила —
И теперь растешь ты.
Путь твой светел, как пшеничный
Золотистый колос.
У твоих рабочих зычный
И веселый голос.
По волнам Днепра свободным
До самого моря
Гордо водишь пароходы
Ты, не зная горя.

Украина! В доле славной
Враг тебе не страшен!
Равноправная средь равных
Ты в Союзе нашем.
Нераздельной нашей частью
Ты под красным флагом
Строишь жизнь свою и счастье
С дивною отвагой.
Всякий, кто тебя затронет,
Попадет в могилу;
Синий Днепр твой похоронит
Вражескую силу.

1935

ГРУЗИЯ

Грузия, сердце и мысль услаждая,
Пышно цветет в ослепительном свете.
В ней — чудеса без конца и без края,
Славой звенят в ней напевы столетий.

Шел сквозь столетья народ ее смелый,
Житель долин, неприступных ущелий,
В песнях о доблести родины пел он,
Верность с великим растил Руставели.

С неба струится река золотая,
Золото кроется в недрах скалистых,
Радостно светлые думы витают,
Песни несутся в порывах огнистых.

Здесь виноградники солнце лелеет,
Возле лимонов растут мандарины,
Там — золотых померанцев аллеи,
Бурные реки в цветущих долинах.

Густо гранаты висят, отягчая
Соком багряным склоненные ветви,
Листья резные душистого чая
Прячутся в шелк белоснежных соцветий.

Грустно тут было. Дремал в своей славе
Гордый народ, и страна с ним дремала.
Сон обернулся прекрасною явью,
Время побед и веселья настало.

Край пробудился — и жизнь забурлила,
Врезалась в небо дворцами свободы.
Бурные реки — живая их сила —
Вышли на службу герою-народу.

Ветер свободный гуляет по скалам,
Обняли скалы орлы и орлята.
В Гори есть домик, овеянный славой,
Домик — не домик — бедняцкая хата.

Кто начертал нам свободы скрижали,
Жизнь нашу сделал счастливой, богатой,
Тот — наш великий, испытанный Сталин —
В домике этом родился когда-то.

Грузия, сердце и мысль услаждая,
Пышно цветет в ослепительном свете.
В ней чудеса — без конца и без края,
Славой звенят в ней напевы столетий.

1938

СОЛНЕЧНОМУ РУСТАВЕЛИ

Грузинка, и солнце, и спелые грозди,
Плоды, и луна, и высокие звезды,
Счастливые села на солнечных скатах...
О, сколько простора для мыслей крылатых!

Здесь мед собирают заботливо пчелы,
Пастушья свирель вторит песне веселой.
О, славная Грузия, Эльбрус героев!
Как радостна жизнь и песня с тобою.

Тут сказка и правда живут с Руставели
На каждой вершине и в каждом ущельи.
Могучий орел, и олень невоспетый,
И барс быстроногий нам скажут об этом.

Отважный народ сквозь ущелья, долины
Столетьями, в сердце родимой краины,
До нашего века, до сталинской славы
Пронес Руставели напев величавый.

Столетья прошли в бесконечном походе,
А в гордом, свободном грузинском народе
Преданием славы, чтоб помнили люди,
Песнь Шота нетленной и вечною будет.

Призывно напевна, как девичья ласка,
В сердца наши входит кавказская сказка.
По миру всему, из долин и ущелий,
Разносится песнь и мечта Руставели.

Грузинка, и солнце, и спелые грозди,
Плоды, и луна, и высокие звезды,
Счастливые села на солнечных скатах...
О, сколько простора для мыслей крылатых!

1937

ГЕНАЦВАЛЕ[1]

Снег белеет на вершинах,
Льды на скалах засверкали,
Но цветут цветы в долинах,
Вся в цветах ты, генацвале.

Было любо мне в Цхалтубо,
Воды теплые ласкали.
Как любил я, как голубил
Тебя в думках, генацвале.

Ты улыбками лечила,
Твои взоры чаровали.
Молодые сны будила
Ты, грузинка, генацвале.

Ой, уеду я далеко,
Сердце жмет рука печали.
Будет грустно, одиноко
Без тебя мне, генацвале.

---

[1] Генацвале — грузинское ласкательное обращение, выражение любви, уважения.

Будет сниться край прекрасный,
Грузии чудесной дали.
Ты звездой далекой, ясной
Будешь сниться, генацвале.

Элико[1], очарованье!
Звезды грустно нам мерцали.
«Сулико»[2] мне на прощанье
Спой, грузинка, генацвале.

1938

---

[1] Элико — имя.
[2] «Сулико» — грузинская народная песня.

ПАМЯТИ
СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

Так же, как и прежде, умирают люди, —
Такова уж доля, доля человека.
Но народ, как песня, жить на свете будет,
Пока светит солнце, до скончанья века, —

Там ли, где на скалах вольного Кавказа
Днюют и ночуют орлы на свободе,
Там ли, где цветенья не видав ни разу,
Белые медведи под метелью бродят.

Песню слышно всюду,
Днем и ночью поздно,
Солнечно ли небо,
Или многозвездно.

Кто смирить сумеет
Волны в синем море,
Кто подрежет крылья
Песне на просторе?

В том краю, где горы вознеслись под небо,
Там, где был к утесу Прометей прикован,
Родился и вырос в нищете, без хлеба,
Человек, владевший звонкой силой слова.

Богачи с князьями ему спину гнули,
Его песни-думы были им немилы,
Вечно мыкал горе он в родном ауле,
Счастье в сакле ветхой часу не гостило.

Но распались цепи,
Сгибла власть тирана,
Осветила воля
Саклю Сулеймана.

Его песни к людям
Стаей полетели,
Звонче и напевней
Соловьиной трели.

О вожде великом, о житье счастливом,
Что бурлит сегодня золотой криницей,
О героях-людях, о цветущих нивах
И о том, как солнце ясное искрится, —

В своих песнях звонких пел он неустанно,
И народа голос в песнях тех был слышен,
И летело эхо в песнях Дагестана
От вершин Кавказа к белорусским крышам.

Спи, певец народный,
Жизнь ты с честью прожил.
Люди в твою память
Тоже песни сложат.

Ты в сердцах народа
Думою орлиной
Будешь жить во славу
Родины любимой.

1937

СОЛНЦУ

Ой ты, мое солнце!
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше,
Надо мной несчастным?

Как я с малолетства
Радости не ведал,
Как за мной плелися
Беда, горе следом.

Как отца зарыл я
В темную могилу,
Как отца могилу
Паводком размыло.

Как я шел забытый,
Не зная дороги,
Обивать с поклоном
Панские пороги.

Как я одинокий
Бедовал на свете,
Как погибла юность
В самом расцвете...

Ой ты, мое солнце!
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше
Надо мной несчастным?

1935

МОЕ МНЕ СОЛНЦЕ — ВОЖДЬ...

Мое мне солнце — вождь, в наш мир
Зовет, стремится беспрерывно,
За ним летел бы на Памир,
И на Эльбрус, и на Хибины.

За ним, не зная грусти, вдаль
Каналом плыл бы Беломорским,
Летел изведать города —
Магнитогорский, Краматорский.

За ним летел бы я в простор,
Туда, где высь, где стратосфера,
Чтоб гостем быть у ясных зорь,
Чтоб жизнь планетную проверить.

За ним, за солнышком, мой путь, —
Лететь и плавать, как жар-птица,
На полюсах мне отдохнуть
И в высоту опять стремиться.

Измерить землю вдаль и вширь,
Познать небесные глубины.
Мое мне солнце — вождь, в наш мир
Зовет, стремится беспрерывно.

1935

КРАСНОЙ АРМИИ ПОХОДЫ



I

Ты послушай, наш маршал,
О минувших невзгодах,
Смертью сыгранных маршах
И кровавых походах.

Жутко станет на сердце,
Коль припомним, как скопом
Нас цари-самодержцы
Силой гнали к окопам;

Как Вильгельма солдаты
И панов легионы
Наши рушили хаты,
Сад рубили зеленый;

Как народ изводили,
Кровью полнили реки...
Ой, чтоб вражеской силе
Не воспрянуть вовеки!

Взвизги пуль заглушали
Соловьиную славу.
Не к добру окликали
И кукушки дубраву.

Аист, дом покидая,
Луговины и сосны,
Улетал, проклиная
Эти черные весны.

Тяжеленько нам было,
Дорогой Ворошилов.
Беларусь не забыла
Те кресты на могилах.

Под панами, царями
Гибли мы, изнывали,
Жгучей кровью, слезами
Пустыри орошали.

II

Ой, развихрилась вьюга
Гулом-шумом,
Ты подумай, брат, только,
Ты подумай.

Ты не сыщешь такого
В днях старинных,
Ни в сказаньях-балладах,
Ни в былинах.

Наша кровь проливалась,
Мглою висла
Над Амуром далеким
И над Вислой.

След кровавый терялся
В море Черном,
В Белом море терялся
Непокорный.

Пауки отовсюду
Наседали,
Как ужи, ненасытно
Кровь сосали.

Где ни плюнь — князь на князе,
Их, что грязи!
А панов ярых, злющих
Того пуще.

И, казалось, погасло
В небе солнце, —
Англичане, германцы
Да японцы.

И Пилсудский храбрится,
Меч свой точит, —
Он от моря до моря
Польши хочет.

Не видать было краю
Лютым бедам,
Костылял верной тенью
Голод следом.

Ой, развихрилась вьюга
Грозным шумом,
Ты подумай, брат, только,
Ты подумай!

III

Заиграли громко трубы,
Поднялись народы, —
Красной Армии бесстрашной
Начались походы.

Днем и ночью наше войско
Спуску не давало
Оккупантам, интервентам,
Князьям, генералам.

Удирали, как попало,
В ужасе великом
Скоропадский и Петлюра,
Колчак и Деникин.

И паны бежали резво
До самой Варшавы,
Справив в землях Беларуси
Праздник свой кровавый.

Армия идет с победой,
Развернув знамена,
Солнце путь ей освещает,
Бьют цветы поклоны.

Алые знамена реют,
Кровь гуляет в жилах,
Перед славным войском едет
Сам Клим Ворошилов.

IV

Как в поход бойцов мы
Наших провожали,
Бор зеленый плакал,
Луг молчал в печали.

Все пути-дорожки
Красные герои
Оросили кровью,
Кровью молодою.

Громыхали пушки,
Пулеметы пели.
Не один отважный
В вечной спит постели.

* * *

Как бойцы разбили
Всех врагов на свете,
К ним пришли с цветами
Девушки и дети.

И дорога славы
Цвела-расцветала,
В ясном небе солнце
Весело гуляло.

Сам товарищ Ленин
Прямо к войску прибыл
С большевистским словом
И сказал — спасибо!

V

Прогремела слава
　　Близко и далеко,
От фортов Варшавы
　　До Владивостока.

Слава прогремела —
　　Живи дольше, слава! —
Ныне наша доля
　　Вся в цветах и травах

Подымает солнце
　　Молодые всходы.
Не страшны народу
　　Бури-непогоды.

Под кнутом не гнемся
　　С люльки до могилы,
Нас уже боится
　　Тронуть вражья сила.

Копыта не топчут
　　Край наш беспечальный,
Расцветают весны
　　Осень — урожайна.

Печем караваи
    Пшеничного теста,
Запеваем песни
    Сталинского лета.

VI

Кузнец был луганский,
И сталь он ковал
И песни-веснянки
Про волю певал.

Внимали той песне
Поляны и бор,
И мчал ее ветер
На вольный простор.

Под сводами горна
Пылали угли,
И весть о свободе
Нам искры несли.

Был молот могучим,
О гневе он пел.
Кувалда звенела,
И молот звенел.

А эхо катилось
В широкую даль...
Он выковал волю,
Надежную сталь!

1938

ПЕСНЯ

Ой, раным-раненько войско вставало,
Войско вставало, с песнею шло.
Клим Ворошилов на коне удалом
Выводил то войско в бой, за село.

Битва кипела, не затихала,
Кровью пятналась полынь, лебеда.
Белогвардейские генералы
Удирали в ужасе кто куда.

Громя, сокрушая вражьи колонны,
Билась наша конница, как никогда.
Белошляхетские легионы
Крепко запомнили эти года.

Ой, раным-раненько войско вставало,
Войско вставало, с песнею шло:
Клим Ворошилов на коне удалом
Войско с похода вел чрез село.

Музыка играла, трубы сверкали,
Бились знамена в алых лучах,
В тихой беседе бойцы вспоминали
Пройденный ими доблестный шлях.

Пушки умолкли, стихли раскаты.
Враг же не дремлет там, за межой.
Точит он сабли, копит снаряды,
Выйти в кровавый готовится бой.

Ой, раным-раненько все войско встанет,
Все войско встанет, выйдет в поход,
Клим Ворошилов спереди станет,
Спереди станет и нас поведет.

1937

ПАРТИЗАНЫ

Как ушли во леса партизаны
На заклятого ворога-пана —
Расступалися долы да взгорья,
Были вехами звезды да зори.

Когда пали на недруга «лавой»,
Березняк зашептался кудрявый...
Когда сели потом, закурили —
Рыжиною костры задымили...

Но когда в партизанском отряде
Меж бойцов оказался предатель —
Гул пошел по болотам зыбучим,
Плыли черные тучи по тучам!

Пепелище... Да зольника горсти...
А в золе — почерневшие кости...
И дрались бирюки на стоянке,
Подлеца доедая останки.

А как вышла победа над паном —
Возвращались домой партизаны.
Расступалися долы и взгорья,
Поднималися песни и зори.

1935

СТАРЫЕ ОКОПЫ

Вдоль берегов Днепра легли они — окопы,
Заросшие травой окопы, блиндажи,
Где кажется еще, что смертью пахнут тропы,
Где прошлых битв всплывают миражи.

За барыши банкиров-властелинов,
За жадных патриархов и царей
Лилась людская кровь по взгорьям и равнинам
Под грохот пушек и под звон церквей...

Сомкнешь глаза,
И пред тобой забрезжит
Картина страшных, окаянных дней;
И ты увидишь смерть,
И ты услышишь скрежет
Загубленных, растерзанных людей.

Ой вы, мои окопы с блиндажами,
Какая ненависть кипит во мне,
Что там, за пограничными столбами,
Готовы вновь нажиться на войне;

Что там они — Сапеги, Радзивиллы,
Забыв разгром свой у днепровских вод,

Забыв свои недавние могилы,
Опять, опять готовятся в поход.

А Днепр течет,
Проходит вал за валом...
— Мир вам, окопы, травы и кусты! —
На вражеской земле
С кровавых генералов
Снимать мы будем сабли и кресты.

1935

ВРЕМЯ ТО ВЫДАЛОСЬ...

Время то выдалось злое,
Плуг завалялся и ржавел,
Сёла дымились золою,
Враг напирал от Варшавы.

Пахарь, спознавшись с невзгодой,
Не засевал свое поле, —
Враг все повытоптал всходы,
Кровью народа их полил.

Даже и видевшим горе
Доля не снилась такая...
Выли там псы по подворьям,
Гибель врагу накликая.

Дрогнули пущи, курганы
Путь преградили магнатам,
Шли по лесам партизаны,
Гнев накалялся по хатам.

Из-под Москвы, из-под красной
Мчались полки за полками
В час боевой и опасный
Встать рука об руку с нами...

Высохли горькие слезы,
Зажили старые раны.
Больше не страшны угрозы
Битого польского пана.

Нынче никто у народа
Плод его рук не стяжает,
Трудится сам он свободно,
Сеет, берет урожаи.

Твердым ступает он шагом,
Солнце ясней ему светит,
Стал он под Сталинским стягом
Знатным народом на свете.

Радость, как вешние воды!
Радость, как вешние шумы!
В сердце горячем народа
Сталину — песни и думы!

1938

ДНИ МРАКА НАД ПОЛЬШЕЙ НАВИСЛИ...

Дни мрака над Польшей нависли,
Не спится в палатах магнатам,
Кровь волнами хлещет по Висле,
Бунтует крестьянство по хатам.

Бастует голодный рабочий,
Гудки на заводах замолкли,
Пустые вагоны не хочет
Везти паровоз одинокий.

По улицам пьяным Варшавы
Снуют проститутки и франты
Мечтают о бойнях кровавых
И саблей брякают сержанты.

Огней в Бельведере нет ярких,
Летучие мыши шныряют,
И красные призраки в парке
Стоят, полицейских пугают.

И воет несчастье по селам,
И мрет голытьба городская,
Молебны ксендзы по костелам
Поют, вдовий грош забирая.

На краковских башнях дремучих
Бьют час погребальный куранты.
К советским границам могучим,
Как змеи, ползут диверсанты.

Поблекнет стяг бело-червонный,
Опустит орел белый крылья,
Крик ворон издаст похоронный,
Волк взвоет на панской могиле.

И будет навеки покрыта
Власть панская тленом забвенья,
И панская Речь Посполита
Исчезнет, как злое виденье.

1938

НА ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ МОТИВЫ



МЕСЯЦ СЕНТЯБРЬ

Месяц сентябрь выходил на дорогу,
Птицы в лесу уж давно замолчали.
Вяли цветы под окном понемногу,
Бабы картошку для пана копали.

Тускло дымится в избушке лучина.
Липа шумит над избой одиноко.
Пруд задремал под зеленою тиной.
Пушечный гул долетел издалека.

Ветер над крышей. А в хате беседа.
Ни у кого не смыкаются вежды.
С матерью батька и внук возле деда
Шепчутся тихо. И с ними — надежда.

Отклик сражений им слышится грозный.
Думы весенним несутся потоком.
Теплится вера, что рано иль поздно
С запада стон их дойдет до востока.

Дед

Вот, как придут, как увижу их знамя,
Правду я выложу всю перед ними.
Стар я! Не мне разливаться слезами!
Слух мой ослаб, но уловит их имя.

Я расскажу им, как надо, по плану,
Как мне, несчастному, пот очи выел,
Как отрабатывал панщину пану...
Пан гулял паном, невольником был я.

Ночь или день, знойный день иль морозный,
Вечно в ярме, в подневольной работе.
Быдлом нас сделали панские козни,
Прожили жизнь мы и в горе и в поте.

И перед тем, как сойти мне в могилу,
Сколько мне силы и дум старых хватит,
Я прокляну их проклятую силу,
Чтоб и в могиле их грызло проклятье!

Внук

Дедко! И я все скажу, не скрывая.
Много терпел я зимою и летом.
Жизнь-то и мне ведь нужна не такая —
Сам Ворошилов пусть знает об этом!

Я расскажу, как за хлеб — не за плату! —
Пану служил пастухом я недавно.
Лезла на свитке заплата в заплату,
Лапти — и тех не имел я от пана!

Как-то под вечер, измученный, с поля
Гнал я овечье господское стадо.

Шел через сад, где раскиданы вволю
Яблоки — видно их, свечки не надо!

Яблочко взял я. Тут пан как наскочит!
Крикнул и гикнул, и выстрел раздался.
Я повалился. Поднялся. А очи?
Очи пан выбил. Слепым я остался.

Отец

Я расскажу им — они разумеют! —
Сталину горе мое пусть доложат.
В жилах вся кровь у меня леденеет,
Солнце — не солнце мне в мире пригожем!

Пану мальчишкой служил я немало,
Разум и силы свои изувечил.
Панская ласка и мне перепала,
Панская плетка кровавила плечи.

Так погибал я с народом всем вместе.
Горькое горе и в праздник и в будни.
Пан ведь и дочку мою обесчестил —
Малую дочку, насильник беспутный!

Выгнал под старость на горе и муку,
Выгнал из хаты, чтоб в поле я рыскал.
А ведь недавно поганую руку
Я целовал ему, кланяясь низко.

Мать

Дайте и матери вымолвить слово!
Может, услышат в Кремле светозарном!
Мамкой служила я с горя лихого
В панской семье — не за деньги, а даром.

Груди сосал мне паныч худосочный.
Высохла я в панском доме, как щепка.
Сыном он мне, говорят, был молочным.
Пусть бы сынка того гроб обнял крепко!

Годы прошли. Паныч вырос дубиной.
Норов созрел в нем безжалостный, панский.
Был, как отец, озверелой скотиной,
Мучил он девушек наших крестьянских.

Летом пошла я в лесок спозаранок.
Вижу: паныч! Обмерла я со страху!
Высыпал ягоды, вызвал охрану,
Сдернул платок, разорвал мне рубаху!

* * *

Трубы взыграли. И армия входит.
Гордо идет и оковы сбивает.
Поступь ее говорит о свободе,
Сталинским солнцем по хатам сверкает.

Как совы пред солнцем, паны разлетелись.
Кровь белорусса довольно сосать им!
Ворон несется, на трупы их целясь,
Трупам панов раскрывая объятья.

Новая доля, счастливая доля
Мчится с востока лучистой дорогой,
Мчится на рощи, на реки, на поле,
Радостью веет, сгоняет тревогу.

Сеятель выйдет свободный, веселый.
Трактором править начнет он, довольный
Труд ему больше не будет тяжелым.
Вольный уж труд на земле его вольной!

1939

ВЕЙ, ВЕТЕР!

Только вчера ведь, не дале,
Юноши и старики
Горькие песни слагали,
Песни нужды и тоски!

Молви нам, ветер широкий,
Брызни водою живой,
Как там живет, на Востоке,
Братский народ трудовой?

Вей, словно сокол крылатый,
Чтобы узнали они,
Как мы в неволе проклятой
Ночи томимся и дни!

Вей, ветерок сизокрылый,
Ты расскажи им, пропой,
Как нас, до срока, в могилы
Гонят бессчетной толпой!

Вей, ветерок, над полями! —
Ночью ль придут, или днем,
Мы их приветим цветами,
Мы им венки заплетем!

1939

ТЫ МНЕ ПЕСНЮ СПОЙ, ДЕВЧИНА!..

Ты мне песню спой, девчина,
Как в поместьи ты служила.
Отчего ж ты, сиротина,
Рученьки крестом сложила?

Подымалась рано,
А ложилась поздно.
Все боялась пана,
Как хрипел он грозно!..

От сиротской доли,
От беды-кручины,
Как былинка в поле,
Гнулся стан девчины.

Ты мне песню спой, девчина,
Как ты пану жито жала,
Как ты тяжко гнула спину,
Спой мне, что тогда певала!

Тяжело девчине
Поле жать чужое.
Вянет в злой кручине
Сердце молодое.

Тяжко дни и ночи
Работать на пана:
Выплаканы очи,
И на сердце — рана...

Ты мне песню спой, девчина,
Как за труд твой, за истому
Безо всякой без причины
Выгнал пан зимой из дому,
Ты мне спой!..

1939

КОЛЫХАНКА

(Колыбельная)

Спи, мой родимый сыночек,
Глазки закрой, задремли,
Много безрадостных ночек
Спать мы с тобой не могли.

Маялся в тяжкой неволе
Долго отец твой родной...
Спи, успокойся, соколик,
Ясные глазки закрой.

* * *

Спи, моя пташка родная, —
Будешь расти в добрый час:
Ветер свободного края
Счастьем повеял на нас.

Прошлое вновь не вернется
В наши леса и поля.
Панским рабом не придется
Быть тебе, крошка моя!

* * *

Спи без заботы и горя,
Радуйся светлой судьбе! —
Зори, кремлевские зори
Светят сегодня тебе.

Темною ночью глухою
Лихо к тебе не придет:
Сталин дорогой прямою
К солнцу тебя поведет.

1939

НАКОРМИЛИСЬ МЫ ПАНСКОЮ ЛАСКОЙ...

Накормились мы панскою лаской,
Горьких слез наглотались без края,
Что казалось вчера еще сказкой,
Стало явью, нас всех озаряя.

Уплывали седые туманы,
Ветер гнал пожелтевшие листья,
Соловей распевал над курганом,
Распевал веселей, голосистей.

Города и деревни несмело
Просыпались, шептали березки,
Беловежская пуща шумела,
И шумел темный лес Августовский.

Зазвучали как будто впервые
Звоны волн, от Днепра и до Буга,
К старой Волге слова волновые
Добегали от Немана-друга.

За столбами с разбойничьей птицей,
За орлёною панской заставой,
Новый мир загорался зарницей,
Нашей воли залог величавый.

Мы ловили и слухом и думой
Гром вестей, доносившихся эхом.
Их не слышал наш ворог угрюмый,
Упиваясь бессмысленным смехом.

Словно мать, разлученная с сыном,
Дожидались мы так терпеливо,
Чтоб они по холмам и долинам
К нам пришли с новой вестью счастливой.

Он пришел, этот час вожделенный,
Мы дождались желанного срока:
Прахом рушит тюремные стены
Вольный ветер, летящий с востока!

Накормились мы панскою лаской,
Горьких слез наглотались без края,
Что казалось вчера еще сказкой,
Стало явью, нас всех озаряя.

1939

РАСШУМЕЛСЯ ЛЕС ЗЕЛЕНЫЙ...

Расшумелся лес зеленый,
Счастьем веет небосклон.
Слава Армии Червонной!
Ворошилову поклон!

Скинул Неман стяг угрюмый,
Плещет вольная струя.
По-над Бугом реют шумы,
Веселится вся земля.

Убегают паны-ляхи,
Как с пожара, кто куда.
Мчат в потемках — гонят страхи,
Гонит страшная беда.

Уж от моря и до моря
Пан себе не строит меж.
Потерял теперь он с горя
Облюбованный рубеж.

Суетятся в страшном беге.
Знают все — конец каков!
Избавляемся навеки
От напастливых панов.

И встает народ рабочий,
И селяне в ряд встают,
Расцветает солнце ночи,
Птицы вольные поют.

В сердце — песня миллионов,
Будто колокола звон.
Слава Армии Червонной!
Ворошилову поклон!

1939

МИНОВАЛИ ДЕНЬКИ...

Миновали деньки
Роскоши веселой, —
Покидали панки
Наши нивы, села.

Хватит пить и гулять,
Жить чужим весельем,
Наш народ отравлять
Ядовитым зельем.

Как чуму, ясным днем
Чужаков прогнали,
Свой очистили дом
От варшавской швали.

Улетает, как дым,
Ворог наш исконный,
Гонит ворога — Клим
С Армией Червонной.

На свободной земле
Жизнь горит огнями,
Вождь любимый в Кремле
Радуется с нами.

1939

С НОВОЙ ДУМОЙ

С новой думой, с песней новой
Выйдешь ты на пашню,
Брат мой, труженик суровый,
Панский раб вчерашний.

По весне зерном отборным
Ты засеешь ниву.
Не свернешь с дороги торной,
Брат мой терпеливый.

Полон новой гордой силы,
К свету, к счастью выйдешь,
Что вчера во сне не снилось —
Наяву увидишь.

По-хозяйски деловитый,
Будешь сам дивиться,
Как в дому твоем зажиток
Прочно поселится.

Распростишься с думой старой
Безнадежно грустной.
Будет нынче и в амбарах
И в хлевах — не пусто.

Не ударит пан вельможный,
Как бывало, палкой,
Если вдруг, неосторожный,
Шапки не ломал ты.

Позабудешь ты навеки
Горе, гнет бесстыдный,
Будешь зваться человеком,
А не панским быдлом.

И в своей родной краине,
Брат мой терпеливый,
Заживешь и ты отныне
Радостно, счастливо.

1939

Я С ВОСТОКА...

Я с востока, ты ж оттуда,
Где солнце садится;
Белоруссы мы, — вовеки
Нам не разлучиться!

Твои кони, мои кони
Под свинцовым градом
Мчались рядом; пусть же ныне
И пасутся рядом.

В наше поле выйдет трактор,
Загудит на воле.
Вместе вспашем и засеем
Мы родное поле.

Станем чокаться с тобою,
Каждым новым годом,
Добрым пивом, самоставным
И колхозным медом.

Станем складывать мы песни
Не о панской службе,
Песни будут о свободе,
О Сталинской дружбе!

1939

СОЛНЦЕ СВЕТИЛО НАШИМ ПОЛЯНАМ...

Солнце светило нашим полянам
И одинаково меряло дали.
Щедрая радость основой была нам,
Вы же и слезы и горести ткали.

Наши угодья в буйном раздольи
Нас засыпали хлебом пшеничным.
Ваши полоски в нищенской доле
Мучили голодом вас безграничным.

«Сталинец»-трактор сеял нам зерна,
Поле орал нам от края до края.
Вы над сохою гнулись упорно,
Злую судьбину свою проклиная.

Сами себе убирали мы поле,
Медом соседей своих угощали.
Плетью нещадной паны вас пороли,
Некуда было бежать от печали.

Больше не быть вам в плену вашем строгом.
Солнце светить одинаково будет
Нашим единым широким дорогам.
Доброе утро, счастливые люди!

1939

СЛАВА ТЕБЕ, АРМИЯ!

За леса шумящие,
За луга зеленые
Слава тебе, армия,
Армия Червонная!

Из-под ига панского
Беларусь голодную
Вывела ты, армия,
На пути свободные.

Праздник с нами празднуют
С радостью бурливою
Братья наши с Запада,
Вольные, счастливые.

С мыслею победною
Торжественно важная
В гости собирается
К нам толпа сермяжная.

За леса шумящие,
За луга зеленые
Слава тебе, армия,
Армия Червонная!

1939

ЯРКО ЗВЕЗДОЧКА ЗАРДЕЛАСЬ...

Ярко звездочка зарделась
Радостью безбрежной
Над родною Беларусью,
Уж незарубежной.

Под царями, под панами
Мучились там люди, —
От несчастья, от неволи
Чахли, сохли груди.

Песни солнцем не сверкали
В ясный день весною.
Ночка темная шумела
В песнях злой тоскою.

Сталин, наш отец, об этом
Знал и ждал минуты,
Чтобы братьям дать свободу
И сорвать с них путы.

И увидел он, могучий,
Своим взором ясным,
Что подходит час расплаты
За людей несчастных.

Ворошилову сказал он,
Что с Луганска родом:
— Время, брат мой, подъяремным
Волю дать народам!

Посылал бойцов отважных,
Ружья, пулеметы,
Танки, тракторы и пушки,
Вихри-самолеты.

И пошло в походы войско
В поле, в поединок.
А бойцов, как звезд на небе,
Как в морях песчинок!

Войск таких никто не видел
Никогда на свете.
Их по сказкам только знали,
В снах видали дети.

Мчится армия без страха,
Не зная тревоги,
И цветы бросают люди
На ее дороге.

И приветливо встречают
Песней, хлебом-солью.
Люд рабочий, люд крестьянский
Вышел из неволи.

Входит он в семейство наше,
Наш народ любимый,
Входит он в Союз Республик,
Как в свой дом родимый.

Долгожданной долей-волей
По его оконцам
Будет вечно красоваться
Сталинское солнце.

Ярко звездочка зарделась
Радостью безбрежной
Над родною Беларусью,
Уж незарубежной.

1939

НАСТАЛ ЧЕРЕД

Настал черед,
Иди, народ,
На свой великий, вольный сход!
За годом год
Ты лил свой пот,
Чтоб сытым был варшавский сброд.

Тебя, мой брат,
Измучил кат,
И корке хлеба был ты рад.
Копил подряд
За кладом клад
Для панских замков и палат.

Ты слышишь сказ:
Настал твой час,
Сотри слезу с прозревших глаз!
Будь среди нас,
Стань возле нас,
Тебя мы звали к нам не раз.

Иди и знай,
Свой голос дай,
За свой родной, советский край.

Зеленый гай,
Червонный май,
Ты с нами радостно встречай!

Полей простор,
И луг и бор,
Покой и шум долин и гор
К тебе, во двор,
Пришли на сбор,
И Кремль к тебе свой свет простер.

Тебя тот свет
Хранит от бед;
Красуйся, словно маков цвет!
Звенит привет:
На много лет
Иди, шагай за счастьем вслед!

За счастье, знай,
Свой голос дай,
За свой родной, советский край!
Зеленый гай,
Червонный май,
Ты с нами радостно встречай!

1939

ТЕБЕ, НАШ УЧИТЕЛЬ

«...И пусть никогда тебя грусть не тревожит, —
Восходит ли солнце, иль ночь настает...»

(Из письма белорусского народа великому Сталину)

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Кто мог бы поверить, что нынче я буду,
Как птица, как ветер над нивой богатой,
И жить и дивиться великому чуду,
Которое ходит сегодня по хатам;

Что ты, наш учитель, как ясное солнце,
Глаза мне откроешь на землю, на небо...
Свети ж, мое солнце, сияй же в оконце,
Тебя я встречаю и солью и хлебом.

Выходят стальные плуги
Пахать молодые поля.
Ни пана нигде, ни слуги, —
Свободною стала земля.

И в землю ложится зерно
Под радостным светом зари.
И, голод забывши давно,
Уходят в луга косари.

Мелькают в колосьях серпы,
И — есть подивиться чему —
Увесисто, грузно снопы
Ложатся один к одному.

А песни звенят и звенят,
И вторят серпу и косе.
Сверкает вода у криниц,
Купается солнце в росе.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает,
О радости песнь запевай,
Родной белорусский народ!

* * *

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заранее,
Что буду я вольным, что буду счастливым?

Былое прошло, пронеслось, миновало.
А было одно — темнота и тревога.
И черная свора народ истязала,
И кривда бродила по нашим дорогам.

Туман застилал нам и души и очи,
И люди сгибали усталые плечи.
Казалось, не будет конца этой ночи,
Казалось, что нету путей человечьих.

Пришел ты, учитель и друг,
Растаяла темень и мгла,
И радостно стало вокруг,
И слава о счастье пошла.

И родина встала моя,
Своими делами горда.
Недоля, как злая змея,
Убита теперь навсегда.

И сломан неволи замок,
И выброшен тягостный груз.
Нарядный весенний венок
Надела моя Беларусь.

Она нарядилась в шелка,
В атлас нарядилась она.
Дорога ее широка,
И жизнь, словно чаша, полна.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает,
О радости песнь запевай,
Родной белорусский народ!

* * *

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что буду я вольным, что буду счастливым;

Что славное время такое настанет,
И сменит весна бесконечные зимы;
Что смело поднимется, к солнцу воспрянет
Родная республика — край мой любимый.

Я вижу повсюду — на фабриках, в селах, —
Как радость идет по дороге раздольной,
И слышу раскаты я песен веселых,
И сердце мое подпевает невольно.

Под молотом искрится сталь,
Все двери распахнуты в жизнь,
Бесстрашные соколы — вдаль,
Бесстрашные соколы — ввысь!

Плывут по морям корабли,
Плывут между рифов и скал.
И реки иначе легли,
И лег за каналом канал.

Где пустошь веками была,
Заводов стоят корпуса,
Насквозь, как стальная стрела,
Чугунка пронзила леса.

Огни золотые горят, —
Ни ветер не страшен, ни мгла.
То светят, не зная преград,
Твои, наш учитель, дела.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает,
О Сталине песнь запевай,
Родной белорусский народ!

* * *

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что буду я вольным, что буду счастливым?

Твоей Конституции мудрое слово
Услышано всюду и всеми на свете.
Оно с обездоленных снимет оковы,
Сотрет казематы на целой планете.

На все времена и для всех поколений
Закон твой звездой путеводною будет,
Звездою желаний, звездою стремлений,
Звездою, дающей уверенность людям.

Настанет счастливейший век,
И все будут радостно жить.
Не будет тогда человек
Другого терзать и душить.

Не станет на свете границ,
Их люди успеют стереть.
И пушки из мрачных бойниц
Не будут выбрасывать смерть.

В далекой иль близкой стране
Не сможет кровавая рать
Народ убивать на войне,
Костями поля засевать.

Весь мир зашагает вперед
Под радостным стягом труда.
До самых счастливых высот
Поднимутся люди тогда.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает,
О Сталине песнь запевай,
Родной белорусский народ!

* * *

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что буду я вольным, что буду счастливым?

Ты делаешь явью мечты миллионов,
Людей ты избавил от бед и страданья,
Чудесным посевом засеял загоны,
И жизнь превратилась в легенду, в сказанье.

На небе заря разгорается краше,
В полях колосится пшеница и жито...
Тебе, наш учитель, все помыслы наши,
Тебе наше жаркое сердце открыто.

Из ближних и дальних мест
Съезжаются люди страны
На свой Чрезвычайный съезд,
На праздник великой весны.

Они навсегда укрепят
Счастливых народов семью,
Они навсегда утвердят
И долю и правду свою.

Под радостный шелест знамен
Войдут они в залы Кремля.
И руку за мудрый закон
Поднимет вся наша земля...

И слава о нем обойдет,
Весь мир без дорог и путей,

И новую силу вольет
В сердца угнетенных людей.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает,
О Сталине песнь запевай,
Счастливый советский народ!

1936



ПОЭМЫ

НАД РЕКОЙ ОРЕССОЙ

—

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Много есть на свете
И легенд и песен,
Что сложили люди,
Про свое Полесье.

Но не знал я песни
Про большое дело:
Как сюда явились
Коммунары смело;

Как они работой
Топи покоряли,
Для страны советской
Славу добывали.

Но не знал я песни
О сраженьях жарких:
Как со всеми вместе
Вышли коммунарки;

Как они в работе
Завели обычай:
Не щадить ни силы,
Ни красы девичьей.

Но не знал я песен,
Не слыхал я что-то
О героях славных,
Взявших в плен болото;

Как чрез все преграды
В глухомани дикой
Шли они к победе,
К радости великой.

Но не знал, не знал я
Новых звонких песен,
Что поет сегодня
Новое Полесье.

О МИНУВШЕМ

Ворон клюв свой свесил
Над гнилой колодой...
Приснились Полесью
Ушедшие годы.

Здесь век вековали
Тростник да осока,
Росли и сгнивали
В трясине глубокой.

А сколько ж трясина
Людей засосала:
Оступишься, — сгинул,
Пиши, что пропало.

Тут не было места
От гнуси летучей,

От дикого зверя,
От гадов ползучих.

Медведь без заботы
Лежал тут в берлоге,
И лось на охоту
Ходил без дороги.

Брели втихомолку
Кабан с кабанихой,
И серые волки,
И всякое лихо.

Меж кочек, бывало,
Где воды открыты,
Здесь лодка блуждала,
Как гроб незарытый...

Полесье родное
Молчало, дремало,
И только весною
Оно оживало.

Весенней порою
Споет соловейка,
Застонет зарею
Пастушья жалейка.

На тихой опушке,
Где ветви густые,
Считает кукушка
Невзгоды людские...

И снова могилой
Полесье застынет,
И спит его сила
В болотной пучине.

А люди? Что ж люди? —
Их много-немного,
Но давят им груди
Нужда и тревога.

На бросовых землях,
На горках песчаных
Избушки их дремлют,
Как будто курганы.

Сидят полешане
И лапти мастачат,
Готовясь заране,
Чтоб... пó миру, значит...

Убогой сохою
Пески поднимают,
Слезами, тоскою
Поля засевают.

Их ширью безмерной
Болото пленило,
Заставило верить
В нечистую силу.

И мрачные сказки
И страшные вести
Шагали по вязким
Равнинам Полесья...

Был сказ нерушимый
На вечные веки:
— Полещуки мы,
А не человеки.

ЗАШУМЕЛО И ПОШЛО

I

Зашумело и пошло,
Словно наводненье.
На полесское село
Хлынуло движенье.

Тьма народу в эти дни
Наплыла, как чудо.
Для чего пришли они?
Для чего, откуда?

Белоруссы там и тут,
С ними украинцы.
Как на ярмарку идут
Покупать гостинцы.

Сколько хлопцев молодых,
Дядек бородатых! —
Пилы острые у них,
Топоры, лопаты.

Что-то будет здесь теперь?..
— Ничего не будет! —
Хитро думали в четверг
Полесские люди.

А воскресный день настал,
И пошла работа.
И лопаты тут и там
Врезались в болота.

Тут и там пила поет,
Топоры сверкают.
Шум и гром кругом идет,
Люди наступают.

Роют торф в воде по грудь,
Роют неустанно,
Видят цель и видят путь
Ясный и желанный.

Люди знают хорошо —
Горе не вернется.
Люди видят — клад большой
В руки сам дается.

За канавой, как струна, —
Новая канава.
Все похожи, как одна, —
Слева то иль справа.

Взбудоражил страх зверей,
Их покой потерян.
В чащи, в дебри от людей
Убегали звери...

Ну, а люди шли и шли,
Покоряя недра,
И канавам уж вели
Счет на километры.

Скоро-скоро день придет,
Скоро будет время, —
В почву черную болот
Пахарь бросит семя.

Зашумят хлеба вокруг
Да под солнцем ясным...
Ой, пророчил полещук,
Ой, гадал напрасно!

Не видал он из своей
Безоконной хаты
Новых дел и новых дней,
Радостью богатых...

Ночь прошла. Заря встает.
Вновь кипит работа...
Героический народ
Покорил болото.

II

И лежат канавы —
Ленты-магистрали.
Во́ды по канавам
Уплывают в дали.

Тучное болото,
Как ножом разрезав,
Доплывают воды
До реки Орессы.

До реки Орессы
Пролегла дорога,

Но еще заботы
Человеку много.

Надо труд великий
Довести до цели,
Чтоб на ровном поле
Трактора запели.

Чтоб на этих землях, —
Буйный, ровный, чистый, —
Как тростник, поднялся
Колос золотистый.

Ждет к себе Полесье
Смелых да умелых,
Что придут и сразу
Примутся за дело.

Ждет к себе Полесье
Сил горячих, новых,
Ждет бригад ударных,
На борьбу готовых.

И они сойдутся,
Свой костер разложат,
Вековую темень
Дружно уничтожат.

Им искать не нужно
Сказочного клада.
За труды другая
Будет им награда.

КОММУНА

I

Явилось их весною — семь,
Чтоб новый день начать.
А осенью пришли сюда
Еще семьдесят пять.

Самарская дивизия
Дала бойцов своих,
Коммуны пионеров,
Способных, молодых.

Пришли и фрунзенцы сюда
Болото обновить
И земли эти в первый раз
Заставить хлеб родить.

Чонгарцы дали восьмерых
Из стаи боевой.
И в край лесов и в край болот
Пришли они весной.

Желанье строить новый мир
Их привело сюда.
И вера в радостный успех
Светила, как звезда.

Им, смелым, были не страшны,
Ни холод, ни жара,
Ни мутный дождь, ни топкий снег,
Ни вьюжные ветра.

Звал Заболотьем тот бугор
В Полесьи мал и стар,
Где ногу в первый раз тогда
Поставил коммунар.

Болото, заболоть, бугор, —
Как хочешь называй,
Но раз пришли большевики,
Изменится весь край.

Палатки, пилы, топоры
Приволокли с собой
И дружно, как одна семья,
Пошли они на бой.

Одни из них корчуют пни
И в груды их кладут,
Другие, сидя у огня,
Спешат сварить еду.

А третьи пилят, рубят лес,
Чтоб выстроить барак:
В палатке летом можно жить,
А уж зимой никак.

Корчуют вдоль, и вширь, и вглубь,
Вставая чуть рассвет.
Палатки носят за собой:
Жилья другого нет.

Они идут — за метром метр,
Идут — за шагом шаг.
Просторней, чище с каждым днем
На торфяных полях.

II

Идет работа, как нигде,
Кипит, горит она в руках.
И каждый час и каждый день
Сильней удар и шире взмах!

И, кажется — чего б хотеть? —
Работай, песни звонко пой...
Да вот паук расставил сеть
И здесь, в коммуне молодой.

Иные что-то хмурят бровь,
На свет невесело глядят,
Как будто здесь не их добро,
Как будто здесь враги сидят.

Кричат порою разозлясь:
В коммуне, дескать, нелады...
Откуда ж та беда взялась
И в чем причина той беды?

Причину ту легко понять,
Причина заключалась в том,
Что из восьми чонгарцев пять
Решили жить особняком.

Их потянуло к старине,
Им надоело быть в строю.
Палатку даже в стороне
Они поставили свою.

Им то и это не с руки,
Они едят, гуляют, спят.

На все глядят как чужаки
И сеют ссоры и разлад.

Цена работе ихней грош, —
Успеем, дескать, не горит...
А что посеешь, то пожнешь, —
Людская мудрость говорит.

Пытливых взглядов не любя,
Стараясь быть всегда в тени,
От всех отдельно, для себя
Участок выбрали они.

Но и на нем весь день-денской
Они лежат да видят сны.
С работой «дружною» такой
Пришлось бы долго ждать весны.

Не стало больше сил терпеть
Таких людей, такой позор...
Пускай пустует лучше клеть,
Чем заводить в ней пыль и сор.

И молодежь собрала сход,
Негодованием полна,
И, как всегда, его ведет
Товарищ Модин, старшина[1].

И, слово взяв, сказал он так:
— Здесь не пристанище у нас
Для лежебоков и гуляк,
Здесь дорог каждый день и час.

---

[1] Председатель.

Кто шел сюда привольно жить,
На хлеб надеясь даровой,
С такими — что нам говорить? —
Таким отсюда путь прямой!

Один из пятерых

Легко ли здесь? —
Руби, корчуй,
Вози, как вол,
В грязи ночуй!

Кругом комар
Затмил весь свет.
Воды — и то
Хорошей нет.

Один из коммунаров

А что же, вы хотели
Пуховые постели,
Бутылок батарею,
Чтоб было веселее?

Да чтобы горка сала
С блинами тут лежала?
Да чтоб, не зная муки,
Сидеть, сложивши руки?

Второй из пятерых

Ты чепухи нам
Здесь не мели:
Много на свете
Свободной земли.

Земли хорошие —
Первый сорт.

Здесь же сломает
Ногу и чорт!

Один из чонгарцев

(к пятерым)

Позорно вы себя вели,
И вам от нас один ответ:
Чонгарцами считались вы, —
Вы не чонгарцы, нет!

Для славных дел и славных дней
Взяла коммуна вас к себе,
Чтоб новой жизни ясный путь
Прокладывать в борьбе.

Но вы коммуну подвели,
Вы потеряли стыд и честь.
И наше слово таково,
Что вам не место здесь.

Второй из коммунаров

Да что с ними няньчиться,
Да что хороводиться?
Подобных коммунщиков
Жалеть не приходится.

Не нам с отщепенцами
Дороги прокладывать.
Пора уж рассвататься
С такою «бригадою».

Третий из коммунаров

Мы идем к победе славной,
Шаг не замедляя,

Помогает нам в работе
Вся страна родная.

Мы старалися в коммуне,
Силы не щадили.
Разве ж мыслимо позволить,
Чтобы нам вредили?

С лежебоком, с нерадивым
Разговоры кратки:
— Уходи из нашей хаты,
Собирай монатки!

Старшина Модин

Товарищи, потише!
Уймите пыл и жар.
Шуметь нам непристойно,
У нас ведь не базар.

У всех у вас, я вижу,
Желание одно:
Исключить «пятерку»
Пора б давным-давно.

Но лучше сделать поздно,
Чем вовсе никогда...
Итак, проголосуем,
Проверим, как всегда.

Кто за?.. Повыше руки! —
Чтоб лучше сосчитать...
Кто против? Воздержался? —
Как будто не видать...

Прошло единогласно.
И наш таков приказ,
Что пятеро чонгарцев
Должны оставить нас.

Четвертый из коммунаров
(Модину)

Ты выдай им бумагу,
Чтоб каждый мог прочесть,
Какие «коммунары»
На белом свете есть.
. . . .

А трое чонгарцев,
На радость крайне,
В Полесской коммуне
Живут и поныне.

III

Горою с плеч свалилася
Постылая забота.
С «пятеркой» расквиталися
И снова — за работу.

И думы прояснилися
У коммунаров наших.
Коммуне укрепившейся
Разлад уже не страшен.

Кипит работа жаркая
С утра до темной ночи,
Идет вперед, старается
Во-всю народ рабочий.

Растет загон, расчищенный
От пней, корней, отростков,
И катят бревна пильщики
И пилят их на доски.

Готовят люди пахоту,
Уверенны и стойки.
Деревья рубят звонкие
Под новые постройки...

Проходят дни и месяцы
За делом, за работой...
Но люди вдруг заметили,
Что нет у них чего-то.

Они переглянулися, —
Земля кругом богата,
Но только жизнь налаживать
Без женщин трудновато.

* * *

Сход. На сходе, как обычно,
Старшина товарищ Модин.
На собравшихся привычно
Он глядит и речь заводит:

— Я скажу всего два слова,
Я скажу вам без утайки:
Для коммуны нашей новой
Нам давно нужны хозяйки.

— Верно!.. Верно!.. — отвечало
Все собранье дружным хором.
— Верно! — эхо повторяло
Над раскованным простором.

— Ну, так что же, дело ясно,
Видно, всех забота гложет.
Голосую... — Мы согласны,
Возражений быть не может...

— Значит, так теперь выходит, —
Продолжает снова Модин, —
Чтобы каждый понемногу
Собирался в путь-дорогу;

Чтобы каждый устремился
В дом родной, в село родное
И оттуда б возвратился
С коммунаркою-женою.

Мы их примем, как родные,
Им у нас не будет хуже.
А ребята холостые
Пусть везут своих подружек.

Так на этом и решили
И пошли себе по хатам.
Нынче все довольны были —
Неженатый и женатый.

— Коль жениться, так жениться! —
Рассуждает громко кто-то, —
Будет радостней в светлице,
Веселей пойдет работа!

Выйдут жены на подмогу,
Будут вместе с нами строить.
Горы женщина разроет, —
Только дайте ей дорогу!

* * *

Шум и говор кругом, —
Что же здесь такое?
То в коммуне людей
Стало больше вдвое.

Коммунарам теперь
Стало веселее,
И работа пошла
Лучше и скорее.

Новый год настает —
Девятьсот тридцатый.
А какой будет он —
Бедный иль богатый?

Дни бегут, как вода,
Снег повсюду сходит.
И весна на земле
Речь свою заводит.

Лес зеленый шумит,
Ручейки смеются.
Высоко в небесах
Жаворонки вьются.

А в коммуне — гляди! —
Праздник и веселье:
Трактор триста гектар
Запахал, засеял.

И толпой по полям
Ходят коммунары,
По-хозяйски глядят
На свои гектары.

Походили и вновь
Вышли на болото
Корчевать да пахать
Боевою ротой.

IV

Много коммунары
Сделали в тот год:
Новые постройки
Встали средь болот.

Хаты и амбары,
Скотные дворы...
Стало жить в коммуне
Легче с той поры.

Мельницу пустили
Паровую в ход,
Рядом лесопилка
Целый день поет.

Мельница грохочет,
Мелет, трет зерно,
Лесопилка пилит
За бревном бревно.

* * *

Был на лесопилке
Боец молодой —
Славный Борисенко,
Смелый и простой!

Подавал он бревна,
Доски убирал,

Да рукой могучей
Смерти не сдержал.

Смерть пришла нежданно, —
Некуда уйти:
Доски сорвалися
И — прощай-прости!

По виску бедняге,
Словно обухо́м...
Весь народ сбежался,
Обступил кругом.

Принесли носилки,
Унесли в барак.
Три дня и три ночи
Умирал бедняк.

Так погиб товарищ
На своем посту
За светлую долю,
За свою мечту!

И померкло солнце
От горючих слез.
Грустно речь над гробом
Модин произнес:

— Спи, наш Борисенко,
Коммунарский сын!
В племени отважном
Был ты не один.

В Армии Червонной
Верный был солдат,

Шел вперед отважно,
Не глядел назад.

Ой, товарищ милый,
Рано ты угас.
Стойким коммунистом
Был ты среди нас.

Спи, наш Борисенко,
Спи в сыром песке.
Спи, не беспокойся
О своем сынке.

Будет он таким же,
Как его отец, —
Честный и отважный
Молодой боец.

Будет он ударник,
Будет бригадир...
Спи, всю жизнь отдавший
За счастливый мир...

Полетели комья
На сосновый гроб,
И над гробом скоро
Вырос бугорок.

Коммунарки горько
Плакали кругом,
Смахивая слезы
Белым рукавом.

И вели старухи
Горестный рассказ:
— А куда ж ты, сокол,
Улетел от нас?!

V

Ширится работа —
Стройка, корчеванье.
Роют, пилят, рубят,
Воздвигают зданья.

Вот готовы ясли,
Школа вырастает.
Яркий свет динамо
Ночью зажигает.

Тучный скот в коммуне
Табунами ходит,
Буйно расцветают
Гряды в огороде.

А с пригорка глянешь —
Не окинуть оком:
Протянулось поле
Далеко-далеко.

Над рекой Орессой
Трактора шныряют.
Торфянище плугом
Пашут, поднимают.

Коноплю, картошку,
И овес, и жито

Коммунары в поле
Сеют деловито.

И растут посевы
Небывалым ростом.
Поглядишь, посмотришь —
Будто все так просто;

Будто здесь и раньше
Все так расцветало,
Будто и болота
Вовсе не бывало.

Так сдается... Только —
Создали все руки.
Их навек запомнят
Сыновья и внуки.

И всему, что было
На болотах этих,
Звонкий стих свидетель
И весна — свидетель.

Сделана работа
Хорошо и чисто! —
Тысяча гектаров
Да вдобавок триста!

* * *

Был я на усадьбе
И ходил по полю,
На житье коммуны
Насмотрелся вволю.

И не раз я видел
Чудо здесь такое:
Будто вся работа
Шла сама собою.

Каждый свое дело
Делал со стараньем.
Нет ни принужденья,
Нет ни понуканья.

Все в коммуне равны,
Всем дается право —
Жить, расти, работать
С честью и со славой.

Я еще такое
Видел не однажды,
Что для иностранцев
Словно сон миражный.

И про то скажу я
Перед целым светом:
Здесь людей печальных
И в помине нету.

Не слыхать в коммуне
Жалоб и раздоров,
Вздохов затаенных,
Горестных укоров.

VI

До совхоза «Сосны»[1]
Прямо из коммуны

---

[1] Совхоз имени десятилетия БССР.

Протянулись рельсы
Ровные, как струны.

Дружно коммунары
Их зимою клали;
Шла узкоколейка,
Уходила в дали.

Легкое ли дело
Строить без прораба?
Сами ж инженерство
Знали они слабо.

Было лишь понятно,
Что построить надо,
Что нужна чугунка,
Как весна для сада.

Много было споров
О чугунке этой.
Да к тому ж из Минска
Нет и нет ответа.

Вечером, бывало,
Соберутся люди —
Говорят и спорят,
Так и этак судят.

Вызвать инженера
Будет трудновато:
Деньгами коммуна
Не так уж богата.

А самим за дело
Боязно им взяться:

Можно провалиться,
Можно просчитаться;

Зря растратить средства,
Труд затратить даром...
Что же остается
Делать коммунарам?

Судят, рассуждают
Люди, брови хмуря,
Разговор то стихнет,
То шумит, как буря.

Только вдруг сорвался
С места Одериха:
— Сами все построим,
Что еще за лихо!

Был я на заводе
Мастером умелым:
Склепывал рессоры,
Шестеренки делал.

Сладим и чугунку, —
Будьте уж спокойны!
Сделаем отлично,
Сделаем достойно...

Под его командой
Началась работа.
Протянулась насыпь
Через все болото.

Выложены рельсы
Ровно, четко, строго.

Принимай, коммуна,
Новую дорогу!

Строил Одериха,
Делом увлеченный.
Знать, не зря служил он
В Армии Червонной.

Не был он во втузах,
Не был инженером,
Был он коммунаром
Стойким и примерным.

Был он коммунаром,
Был он коммунистом,
И работу сделал
Хорошо и чисто.

Убегают рельсы
На семь километров,
Мчится паровозик,
Распевают ветры.

Пишут коммунары
О своих успехах,
Пишут, что чугункой
Можно смело ехать.

Пишут: приезжайте,
Просят: поспешите,
На дорогу нашу
Сами поглядите.

* * *

Паровозик засвистел,
И — по перегонам —
Друг за другом, все быстрей,
Катятся вагоны.

Ой, бегут они, бегут
По путям чугунным,
Прямо в «Сосны», в совхоз
От самой коммуны.

Из совхоза назад
До коммуны мчатся.
Сколько радости тут!
Сколько людям счастья!

Ты кукуй иль не кукуй,
Птица, на опушке,
Но в коммуне паровоз
Все зовут «кукушкой».

VII

А на речке, на Орессе,
  День встает высоко
Снова люди наступают
  С севера, с востока.

И красуется коммуна
  На болоте буром.
Полешане ж, единочки,
  Как и раньше, хмуры.

Ой, не хмурься, полешанин,
Погляди на поле!
Вырастает здесь коммуна
Для твоей же доли.

* * *

А по речке, по Орессе,
Бегает моторка.
На нее глядит уныло
Старый челн с пригорка.

Он, убогий, доживает
Дни свои глухие:
Приплыли в Полесье челны —
Новые, стальные.

Эти челны силы полны,
Силы и дерзанья.
И встречает их Оресса
Ласковым журчаньем.

* * *

А на речке, на Орессе,
Труд повсюду жаркий:
Вышли утром коммунары,
Вышли коммунарки.

И пошло соревнованье, —
Пашут, строят, рубят.
Каждый знает свое место,
Каждый дело любит.

И для них не гаснет солнце.
И не гаснут зори.

Расширяется коммуна, —
    Поле — словно море.

* * *

А на речке, на Орессе,
    Растут октябрята,
Пионеры, комсомольцы —
    Крепкие ребята.

Это — смена, это — люди
    С ясными глазами.
Как отцы их, они будут
    Стойкими борцами.

Не потерпят они кривды
    Ни за что на свете.
Вся земля им — край родимый,
    Для них солнце светит.

* * *

А на речке, на Орессе,
    Дома̀ чередою.
Пахнет свежею замазкой,
    Свежею сосною.

Крепко выложены стены,
    Выструганы бело.
Крыши — крытые железом,
    Окна — сажень целый.

Электрические лампы
    Светятся ночами...
Это сделала коммуна
    Дружными руками.

* * *

А на речке, на Орессе,
  Много, много дива.
И живут все коммунары
  Весело, счастливо.

И гремят в коммуне песни
  Средь полей зеленых:
«Если недруги лихие
  Край родной затронут;

Если с нами потягаться
  Им придет охота,
Осушать пойдем с винтовкой
  Пинские болота!»

СОВХОЗ

I

Марьино болото,
Что весь век дремало,
Сколько же богатства
Ты в себе собрало?

Марьино болото,
Вековая сила!
То не ты ль коммуну
И совхоз растило?

Не в твоих ли дебрях,
Что людьми раскрыты,
Зашумели травы,
Колосится жито?

* * *

Шла по белу свету,
Шла молва людская,
Как росла коммуна,
Топи побеждая.

Люди о коммуне
Многое узнали...
Рядом с ней совхозы
Создаваться стали.

(Всем земли хватало —
Жирной, плодоносной.)
Первый появился
Под названьем «Сосны».

А второй — Загалье —
Вырос за рекою,
Чтобы рассчитаться
С топью вековою.

Взял себе гектаров
Сорок тысяч смело.
Это вам не шутки,
Не простое дело.

* * *

Сосны мои, сосны,
Сколько лет росли вы?
Видели не мало
В век свой несчастливый.

Плеть царя и пана
Видели вы, сосны;

В зимние метели,
В солнечные весны

Видели голодных,
Голых и забытых,
Видели убогих,
Видели забитых.

* * *

«Сосны» мои, «Сосны»,
Вы набрались силы,
Хоть расти в болоте
Нелегко вам было.

Выросли вы буйно
За три прошлых года,
Поднялись высоко,
Зашумели гордо.

Днем вам солнце светит
Жаркими лучами,
К вам выходит месяц
Темными ночами.

* * *

«Сосны» мои, «Сосны»,
Вы богаты стали,
Шире, чем в коммуне,
Ваши магистрали.

Глубже и длиннее
Ровные каналы...

Силы положили
Люди здесь не мало.

Не тебя ль с опаской,
Поле торфяное,
Обходить старались
Летом и весною?

А сегодня глянешь —
По твоей равнине
Ходят люди, пашут,
Едут на машине.

II

Все, что видел, все, что слышал,
Описать хочу я.
Как писали раньше в сказках,
Свой рассказ начну я.

За горами, за долами,
Средь болот пустынных,
Вырастала, расцветала
Новая краина.

Где стояли над трясиной
Тростники да лозы,
Появились, зашумели
Нивы, сенокосы.

Поле ровное такое,
Словно стол огромный,
А на нем хлеба бушуют
Силой неуемной.

Трактора снуют по полю,
Пашут, боронуют.
Трактористы распевают
Про страну родную.

Две чугунки на совхозном
Сходятся вокзале.
Перекличку паровозов
Аж слыхать в «Загальи».

То везут сюда, привозят
По дороге длинной
Удобренье для посевов,
Новые машины.

То составы поездные
Сеном нагружают,
То пеньку или картофель
В город отправляют.

Ой, всего в совхозе много —
Хлеб, машины, стадо...
Сосчитать его богатства
Целый месяц надо.

И стоишь ты, удивленный:
Что с болотом стало! —
Целый город на болоте
И притом не малый.

Да, совхозу безусловно
Есть чем похвалиться:
Двухэтажные постройки,
Клуб — ну, как в столице!

Здесь леченья никакого
Не было вовеки,
А теперь свои больницы
И свои аптеки.

Навсегда теперь забыты
Знахари и бабки,
Наше время, наши люди
Дали им по шапке!

Широко наука наша
Распахнула двери:
Даже здесь, в совхозе дальнем,
Свой рабфак вечерний.

На рабфаке, на вечернем —
Парни и девчата.
Будет племя молодое
Знаньями богато!..

Электричество в совхозе —
Что твоя жар-птица!
И по радио рабочий
Слушает столицу.

Да, совхоз везде и всюду
Приложил старанье:
Есть и школа, есть и ясли,
Прачечная, баня...

Всюду труд горячий, дружный, —
Нет здесь плети панской.
Здесь везде народ советский
Рабоче-крестьянский.

Есть, понятно, неполадки,
Я не проглядел их.
Только эти неполадки
Не решают дела.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

И коммуна эта,
И этот совхоз
Будут — что ни лето —
Поднимать свой рост.

И чтоб их успехи
Оценить самим,
И итти и ехать
Будут люди к ним

И, любуясь новой
Силою полей,
Вспомнят добрым словом
Отважных людей.

О новом Полесьи
Запоет певец,
И помчатся песни
Из конца в конец.

Воспоют в тех песнях
Труд и героизм,
Как в глухие дебри
Шел социализм,

Как под руководством
Партии побед —
Большевистской партии —
Вспыхнул новый свет.

1933

ГОРОД БОРИСОВ

I

Струилась встарь река Береза,
Струится перед нашим взором —
То между вербы низкорослой,
То в чаще векового бора.

Своей водой поит без счета
Колхозы, фабрики, заводы
И средь своих водоворотов
Несет плоты и пароходы.

Течет река Береза плавно,
Течет, минуя горы, долы.
По берегам ее издавна
Воздвиглись города и села.

Стоит Борисов, вширь раскинут,
Стоит и думает он думу,
Каким он был, каким он ныне
Внимает волн седому шуму.

II

Власть князей была тут.
Королей расправа

Тут цари царили
В мгле веков кровавой.

Строили темницы,
Кандалы ковали.
На народном теле
Раны полыхали.

Были войны, битвы,
Кровь и слезы стлались.
Шведа, Бонапарта
Тут следы остались.

Воду из Березы
Пили немцев кони.
Про солдат Вильгельма
Помнят и сегодня.

Грабили культурно!
Жалости не знали:
И армяк последний
С бедняка снимали.

А панов правленье,
Гнет их бессердечный
Помнить ты, Борисов,
Помнить будешь вечно!

Было то недавно —
Помнит комсомолец,
Как была нещадна
Жуткая неволя.

Панские приветы
Знаешь ты, товарищ:

Виселицы, пули
И золу пожарищ.

Генерал Шептицкий
Здесь себя прославил:
Кровью и железом
Пир свой тут он справил.

У него, однако,
Не хватило силы
Сжечь, спалить идеи,
Как поля спалил он.

Генерал Шептицкий,
Пан ясновельможный!
Сапогом жандармским
Ты уж здесь не топнешь.

Ни громить, ни вешать
Здесь не будешь больше,
Пан ясновельможный
Королевской Польши!

Мощное оружье
Держит пролетарий,
Он тебя, каратель,
Встретит грозной карой!

III

Понесла Береза
Кровь людскую в море,
Вместе с этой кровью
И лихое горе

Женщин овдовевших
И сироток нищих,
Жителей селений,
Ставших пепелищем.

Выжженный Борисов
Выгнал оккупантов
Рукой большевистской —
И встает гигантом.

Встал он из развалин,
Сильный и здоровый,
Фабрики, заводы
Выстроил он снова.

Трубы ввысь вонзились
В небо дым кидая,
И гудки запели,
Город пробуждая.

Он теперь уж может
Похвалиться смело
Комбинатом буйным
Перед светом целым.

Березинской спички
Огонек чудесный,
Доллары сбирая,
Вспыхнул повсеместно.

И завод стекольный,
Труженик отменный,
Прибыли дает нам
В фунтах полноценных.

Город наш рабочий
Отставать не будет.
Лишь у нас в Союзе
Есть такие люди!

Труд они встречают
Ласковым приветом, —
Кровные они ведь
Сыновья Советов!

Ведь они ходили
Сами с паном драться
И сегодня строят
Стран своих богатство.

Власть свою и силу
Понимают сами,
Непоколебимо
Стоя за станками.

IV

Говор по заводам,
Гул не умолкает:
Ленину поставить
Памятник желают.

Пусть стоит меж нами
Тот, кто днем и ночью
Весь свой век боролся
За судьбу рабочих.

По цехам собранья
И по всем бригадам:

Важное решенье
Выполним, как надо!

Каждый даст, что может,
Из своей получки,
Чтоб скорей шло дело
И как можно лучше.

Но не жертва это
И не деньги даже,
Что из масс рабочих
Отдавал тут каждый, —

Каждый долю сердца
Отдал не лукаво,
Чтобы шла все дальше
Ленинская слава!

И в саду воздвигнут
Памятник гранитный,
Чтоб стоял веками
Ленин с массой слитно.

V

Кончил жизнь Борисов старый,
Встал Борисов новый.
Не дымят огни пожаров,
Не звенят оковы.

Дни прошли войны суровой
И неволи горькой.
Но ты стой, Борисов новый,
На дозоре зорко!

Под советскими лучами
Не усни спокойно!
Хитрый враг за рубежами
Нам готовит войны!

1934

ТАРАСОВА ДОЛЯ

Памяти Тараса Шевченко

I

Шум идет по Украине,
    Убранной цветами;
Днепр о празднике великом
    Говорит с лугами.

Долю ту, что в дни былые
    Тарас напророчил,
Услыхали ныне уши
    И узрели очи.

Эта доля, что надеждой
    Была для Тараса,
Загуляла буйной степью,
    Солнцем обвилася.

Доля, о которой сердце
    Тараса мечтало,
Как свобода для народа
    В Кремле засияла.

Добрым словом поминает
    Великого сына
Украина молодая,
    Наша Украина.

II

В час, как мать его рожала,
Не светили зори,
Зубы скалила неволя,
Насмехалось горе.

Песен радостных, веселых
У его постели,
Чтоб уснул он, молодухи
Никогда не пели.

Как он вырос, как поднялся,
На свои стал ноги,
Барщину узнал, неволю,
Панские пороги.

Гнул он спину перед паном
Да вздыхал несмело,
И стонало под плетями
Молодое тело.

Энгельгардты, Энгельгардты!
Вам не встать уж боле.
Отомстила Украина
За детей в неволе.

III

Ни веселья, ни улыбки
Хоть на миг единый.
Ночь одела Украину, —
Одну ль Украину?

Цепи по земле широкой
 Звенели, бряцали.
И народом, как скотиной,
 Паны торговали.

Продавали и меняли,
 В карты спускали.
Крови и слезам предела
 Бедняки не знали.

Этой каторги и муки
 Пером не опишешь.
Все минуло. Но былое
 Ты ведь, сердце, слышишь?

IV

Так Тарас на свет родился, —
 Как и все — в оковах.
Ой, как тяжко, братья, с детства
 В доле жить суровой!

Сам родился я в неволе,
 С царскими цепями.
Пусть испепелит то время
 Нашей мести пламя!

Прошли годы. Тарас вырос,
 Словно тополь в поле.
Выкупили добры люди
 Его из неволи.

Лишь считать принялся деньги
 Пан рукою властной,

Кровь сверкнула на червонцах,
Кровь людей несчастных,

Матерей, отцов в неволе,
Скованного сына;
Кровь опутанной цепями
Пленной Украины.

V

По дорогам белорусским
В Петербург далекий
Шел за панскою каретой
Парень одинокий.

Это шел Тарас невольник,
Казачок у пана;
Пан весь золотом сияет,
Он же — в свитке рваной.

Белорусские березы
Вдоль дороги дальней
Пели хлопцу-украинцу
О судьбе печальной.

Бор шумел над головою,
И ручьи сверкали,
С пареньком вели беседу
О своей печали.

Видел бедные он хаты,
Крытые соломой,
Крепостных таких же видел,
Как когда-то дома.

VI

Чем же в сердце белорусском
    Песенка Тараса
Отозвалась? Что запела
    Словом близким, ясным?

Зачем ветер с Украины
    Думою крылатой
Долетел до Беларуси
    И шумит над хатой?

Потому что обе схожи
    Долею убогой
И бредут в слезах, в мученьях
    Одною дорогой.

Одинакова их доля:
    С детства до могилы
Обе скованы цепями,
    Ждут свободы милой!

Как жилось в былые годы,
    Как терялись силы,
Этому свидетель в поле
    Курганы-могилы.

VII

Полюбил Тарас девчину
    В молодости рано,
И до самой он до смерти
    Не забыл Оксаны.

Вместе были пастухами
У чужих овечек,
Вместе бегали вдогонки
Босиком у речек.

Сколько пережили оба,
Сколько знали горя, —
Это помнят только степи
Да Днепра просторы.

У Тараса было сердце,
Что любить умело,
И умели очи плакать
По милой век целый.

Но Тараса пан увозит
С родной Украины,
И пошла его Оксана
С сумой на чужбину.

VIII

Кто б подумал, догадался,
Что в таких оковах
Одарен Тарас был кладом —
Необычным словом.

Ни цари, ни слуги трона,
Ни паны, ни каты [1]
Не могли взять у Тараса
Этот клад богатый.

---

[1] Кат — палач.

И была его богатством,
Кладом небывалым
Песня, что из сердца птицей
На свет вылетала.

Не тонула песня в море,
В огне не горела,
И не мог надеть ей цепи
Сатрап озверелый.

Рисовал он и картины,
Но как ни хотел бы,
Счастье рисовать в неволе
Рука не умела.

IX

Счастье даже и не снится
Тарасу на свете,
Где ни глянет — все неволя,
Плачут мать и дети.

Украина под панами,
Под царем в неволе
Сиротою стонет, гибнет
В горькой недоле.

Вешай ляхов! царей с трона!
Не медли ни часа!
Понеслась по Украине
Песня Тараса.

Всю неправду, все мученья,
Все, что душит груди,

Выливал он на бумагу,
Чтобы знали люди.

Призывал он к лучшей доле,
Где живет свобода,
Кликал счастье, кликал солнце
Своего народа.

X

Гордое Тараса слово,
Песни о свободе,
Отозвались гулким эхом
В крепостном народе.

Люди очи протирали,
Воли дожидаясь:
«Тарас правду говорит нам,
Вот она какая!»

А царя с его панами,
Прислужников царских
Страх объял от этих дерзких,
Этих слов бунтарских.

Думу думали, как лучше
Тараса карать им —
То ли в поле на кургане,
То ли в бедной хате.

И его карали карой,
Жестоким запретом
Песни петь, чтоб перестал он
Вольным быть поэтом.

XI

Ой, шлях каторжный, тяжелый,
Вытоптанный горем,
Щедро устлан ты костями
Слез ты вымыт морем!

Ты пошла путем холодным,
Тарасова доля,
Через чащи, через пущи,
Чрез пустое поле.

Пустота. Попробуй крикнуть —
Не услышит эхо,
Только зверь подчас завоет
Ошалелым смехом.

Ой, Тарас, тебя загнали
Живым в домовину,
Царь загнал тебя в пустыню,
Чтоб навек ты сгинул.

Только камень и увидит
Все твои страданья,
Только ветер и услышит
Горькие рыданья.

XII

Крепость Орская. Он строгим
Связан был приказом:
Чтоб пера и кисти в руки
Не смел брать ни разу,

Чтобы даже не пытался
Думать дум крамольных.

Вот какой наказан карой
Солдат подневольный.

Родину он вспоминает
С тоской и любовью.
Кровью он ее писал бы,
Но нельзя и кровью.

Сколько б он листу бумаги
Дум своих поверил,
Но забрали и бумагу
Эти люди-звери.

Чахнет, сохнет, увезенный
От родимой нивы,
Под солдатской царской палкой
Тарас несчастливый...

XIII

Дать врагу такую кару
Не всякий решится:
Из неволи вновь в неволю
Тарас возвратится.

Съела царская жестокость
Тарасову силу, —
Реже он глядит на небо,
Чаще на могилу.

Только песен не забыл он —
Отрады единой,
Не забыл он в песнях-думах
Милой Украины.

Он писал бы свои думы
Многие годы —
Только отняли все силы
Палачи свободы.

Жадно высосали гады
Жаркой крови реки, —
И такого злодеянья
Не забыть вовеки!

XIV

И угас Тарас, печали
И тревоги полный.
Горько-горько зарыдали
Днепровские волны.

Понесли они рыданья
До синего моря —
Чтобы знали все на свете
О великом горе.

Зарыдала Украина
От горя лихого,
Хороня такого сына,
Кобзаря родного.

Вознесли курган высокий
Над простором синим,
Чтоб был виден издалека
По всей Украине.

Спит Тарас средь белых яблонь
На горе чудесной,

Но живет в родном народе,
Не спит его песня.

XV

Если б ты, Тарас, проснулся,
Вышел из могилы,
Поглядел бы на цветенье
Украины милой!

Ой, увидел бы ты чудо
На степи широкой,
Новые сложил бы песни
Про Днепр синеокий.

На твоей земле цветущей
Солнце ярко светит;
Уж не гнут в неволе спины
Ни отцы, ни дети.

Сами стали господами
Над собою люди,
Хороша их жизнь сегодня
И прекрасней будет.

Больше нет ни слез, ни горя,
Пан навеки сгинул.
Эх, кобзарь, когда б взглянуть ты
Мог на Украину.

1939

СОДЕРЖАНИЕ

Красной Армии походы

На западнобелорусские мотивы

ПОЭМЫ

Редактор Л. А. Юдкевич

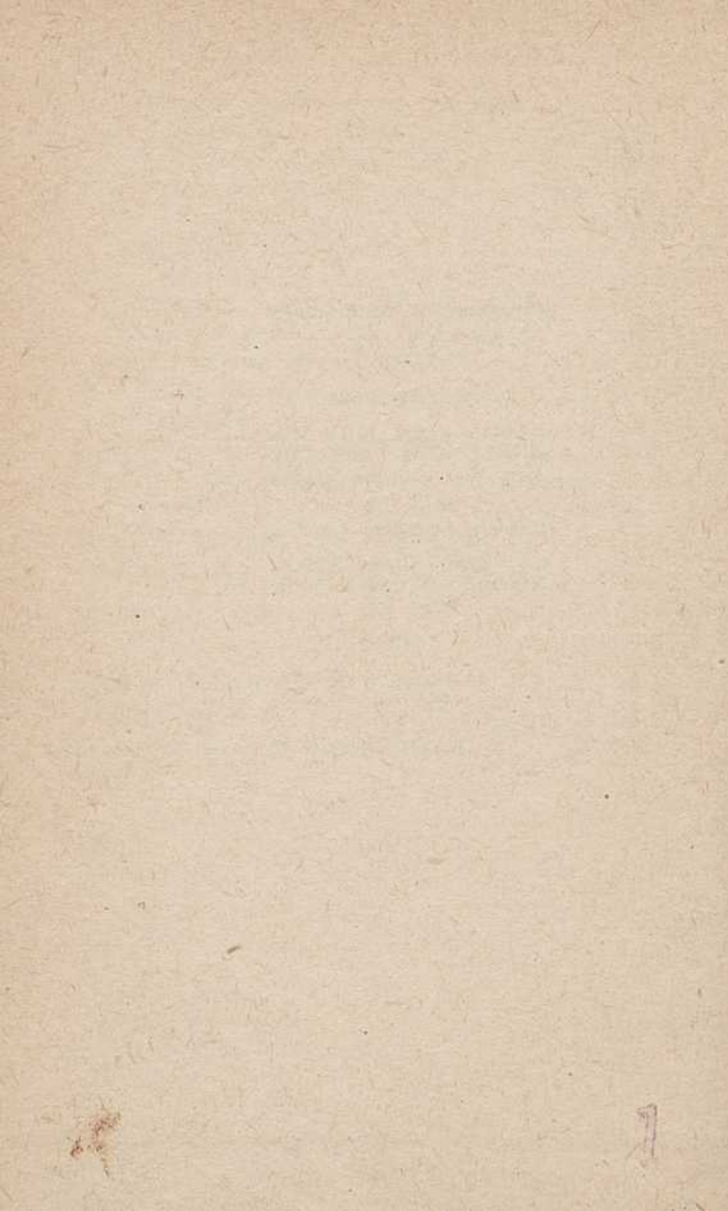
* * *

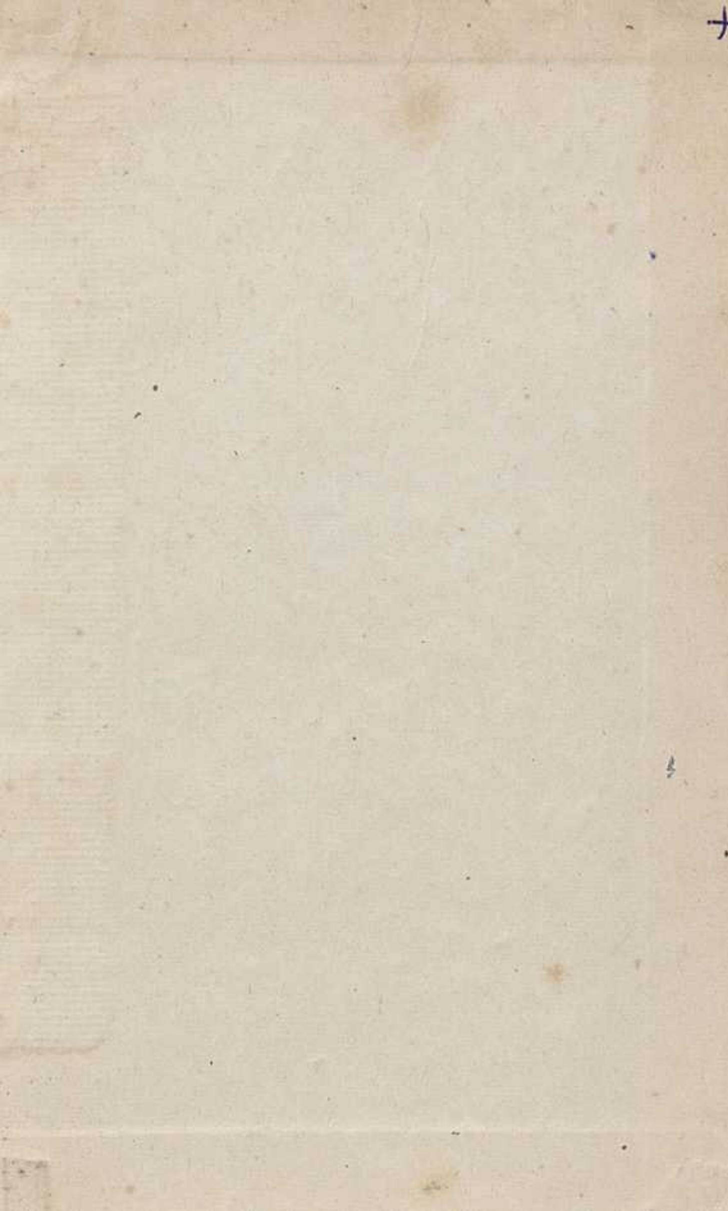
Тираж 25 000 экз.

Подпис. к печ. 30/IV 1941.
А37317. Печ. лис. 7 7/8.
Авт. лис. 7. В печ. листе
48 160 зн.

Цена в переплете 4 р. 25 к.

6-я типогр. Огиза РСФСР.
Москва, 1-й Самотеч., 17.
Зак. 446.






B000000 1957267